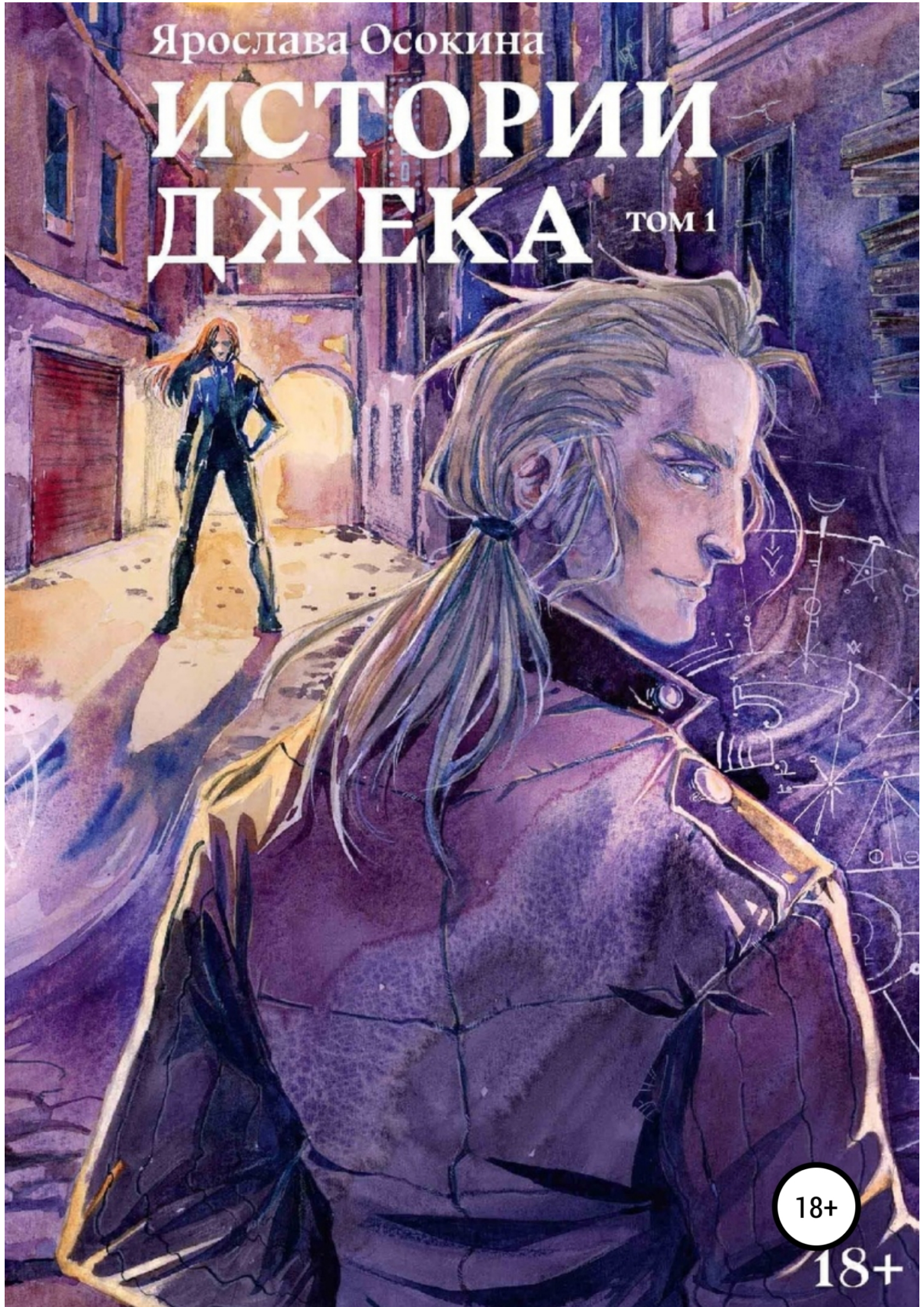

Ярослава Осокина

ИСТОРИИ ДЖЕКА

ТОМ 1

18+

18+

Прорехи и штопальщики

Ярослава Осокина
Истории Джека. Том 1

«Автор»

2016

Осокина Я.

Истории Джека. Том 1 / Я. Осокина — «Автор»,
2016 — (Прорехи и штопальщики)

Джек и Энца, боевые маги на службе государства, головная боль начальства и Дисциплинарного комитета, — полные противоположности. Сильнейший маг современности, которому запрещено использовать свои возможности, и опаснейший мастер боя, который не может работать без постоянной подзарядки - таковы наши герои. Коллегам они кажутся недоразумениями, ни на что не способными, но Джек и Энца не сдаются, по-своему решая все проблемы. Этот мир дыряв, словно решето. Он рождает множество магов: так необходимо. Тут не бывает «попаданцев» или чудесных историй переходов, он граничит лишь с местами, населенными чудовищами из людских кошмаров.

© Осокина Я., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая. Лето	5
История первая. Пересечение	5
История вторая. Вечеринка со сломанным стулом	15
История третья. Рабочие будни	20
История четвертая. Несработавшая ловушка	26
История пятая. Выговоры и награды	31
История шестая. Новые коллеги	40
История седьмая. Русалки и антиквары	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ярослава Осокина

Истории Джека. Том 1

Часть первая. Лето

История первая. Пересечение

Ему повезло родиться именно в этом пограничном мире. Или не повезло. Как посмотреть. Хотя Джек старался совсем на это не смотреть: у него давно была заведена привычка о скучном или тяжелом не думать. Себе дороже.

Лучше всего на свете он умел думать о приятном. Поэтому последняя девушка и обломала об него целую охапку веток (вообще-то букет сирени, который он для нее нарвал – своими руками, между прочим), рыдала и вопила, что он бездельник. Что он целыми днями мечтает, слоняется по городу, а вечером напивается и болтает невесть что.

Ну нет. Джек даже налоги платил. То есть знал, что бухгалтерия Института отчисляет что-то там. И болтал не просто так, а стихи рассказывал. У него стихи такие. Где-то в стеллаже или вон под той кучей книг в углу лежит пара дипломов, полученных на разных писательских форумах и встречах. Последний раз была денежная премия, приличная очень даже. Правда, Джек был к тому времени в тоске и печали от очередной несчастной любви и премию бездарно пропил. Почти целиком.

Сдуру он еще успел немного отослать матери, и сестра потом звонила и пыталась разузнать, сколько он вообще получил, – и зачем, спрашивается? Только поругались. Хотя сестру он любил, но разговаривать с ней не мог. С серьезными женщинами тяжело разговаривать.

А если вдуматься, он был просто образцово ответственным парнем. В Институт парасвязей пришел сам, еще подростком, – мама немножко поплакала тогда, но он ведь был хорошим мальчиком, только немного рассеянным, и ничего плохого с ним не случилось. Он даже пытался работать сообразно своим способностям, в партнерской программе участвовал. Стихи продолжал писать, рассказы – талант, говорили все, и в журнале «Литература и современность» напечатали его короткую повесть и потом еще пару восторженных рецензий на нее. Он задумал несколько великих романов, иногда записывал понемножку из них, но никогда толком не начинал.

И все никак не мог определиться, что же главнее. Впрочем, последнее время работы в Институте у него было совсем немного, да и вдохновения никакого тоже не появлялось. В чем-то девушка – бывшая уже – была права: этот весенний месяц он в основном валялся на диване или слонялся по городу.

Вся загвоздка была в том, что Джек являлся сильнейшим стихийным магом не только в городе, но, возможно, и в целом мире. Правда, его небывалое могущество было совершенно бестолковым: Джек не мог контролировать огромное количество энергии, которое высвобождалось при его попытках сплести любые чары. Поэтому Джеку запрещалось использовать магию: никакие тренировки, сдерживающие чары или амулеты не помогали.

Взмахом руки Джек без усилий поднимал вихри и в свое время стал причиной разрушения целого тренировочного комплекса на заброшенном заводе, где учились подобные ему подростки.

Их пограничный мир рождал много магов – так было необходимо. Джеку нравилось считать себя неким воплощением окружающей реальности, граничащей лишь с местами, населенными чудовищами из людских кошмаров. Возможностей много, но использовать их нельзя.

«А твое имя? Твое имя! Собачья кличка! Почему ты не говоришь настоящее? Ты просто ублюдок, ненавижу, ненавижу тебя! Я изо всех сил старалась, налаживала все, а ты и пальцем о палец не ударил... Почему я должна все делать? Я одна? Ты даже мусор за собой не выносишь, а носки под кровать бросаешь! Тебя совсем не интересуют наши отношения!»

Почему же, очень интересуют. Девушка была милой, такой нежной, непосредственной. Правда, ее, как многих других женщин, со временем стало сильно заботить местоположение его носков, отсутствие у него желания мыть посуду и выгуливаться по выходным. Видимо, это у них в генах. А имя? Что же, такова плата: свое настоящее имя он отдал еще лет в тринадцать, когда его поставили на учет как мага. Они всегда так делают, действительно ли это важно или просто традиция? Ему все равно было. Он выбрал себе «Джек» наобум и сразу, хотя мама была в ужасе. Но привыкла. Может, она и забыла уже то, первое.

Будь он послабее, трудиться бы пришлось много: ловить нарушителей, отслеживать аномалии, ликвидировать монстр-объекты, патрулировать город. Для нестабильных, чересчур слабых или не умеющих контролировать себя магов существовала целая система организации работы, в которой он пытался принять участие. «Проблемным» магам подбирали напарников, иногда помогали наладить связь, по которой сила приходит в равновесие, и таким образом получались два работоспособных чародея на службе государства.

С Джеком никто не хотел работать: его могущество разрывало на части и причиняло боль. Где, как оно в нем уживалось — непонятно. Но никто другой его перенести не мог.

От полной скуки Джек сходил с ума, даже ссора с девушкой, к которой он уже достаточно привязался, лишь ненадолго всколыхнула темную гладь болота, в которое превратилась его повседневная жизнь. Скучно было все: еженедельные явки в Институт, встречи с коллегами, с друзьями, прогулки по городу, сидение над клавиатурой в попытке что-то там родить новое. Мысли в голове, как бесформенные серые тряпки, полоскались на ветру, не складываясь ни в какую картину. Было пусто, тоскливо и безысходно. И однажды вечером Джек написал прошение на имя своего начальника с просьбой найти ему напарника для оперативной работы.

«Готов на ограничительный амулет, который сейчас испытывают, на три четверти подавления, — написал он. — И на самые тяжелые задания».

Потом, когда уже отправил, одумался, но — поздно. Досада, впрочем, недолго занимала его ум, и ответа Джек перестал ждать уже через две недели. Вот когда через месяц начальник позвонил и вызвал его в Институт внеурочно, не сразу и вспомнил, в чем дело.

— Прямо все твои требования не удовлетворить, — скрипуче сказал по телефону Яков, — но старались, как могли.

В этом голосе Джек явственно услышал ядовитую иронию и сразу полез в компьютер, чтобы перечитать свое подзабытое уже прошение.

«Напарник непременно должен быть женщиной, не старше двадцати пяти, привлекательной. Желательно высокой и рыжеволосой». Джек очень любил рыжих девушек. Интересно, какие из этих требований им не удалось удовлетворить?

Чувствуя наконец-то некоторый подъем, Джек отправился в Институт.

Припарковав машину на институтской стоянке, он вышел и закурил, прислонившись к капоту. Теплый летний вечер, мягкий шорох листьев на аллее — все настраивало на мирный лад. «Джек, — вдруг сказал внутренний голос, — сегодня что-то изменится». Сжало грудь, и Джек, торопясь, сипло вдохнул воздух.

И только закашлялся от своего же сигаретного дыма. Прорицатель он был никудышный, поэтому вряд ли стоило обращать внимание на это микроскопическое событие. Затухнув окурок и все еще покашливая, Джек вошел в темный прохладный холл.

Пара студентов, выходявших из здания, проводила его восторженными взглядами. Джек привык.

Энца сидела как на иголках. Оказалось, секретарь перепутал время и вызвал ее на полчаса раньше. Он долго извинялся и даже предложил ей чая, но на все расспросы отвечал уклончиво. Когда начальник освободился, ее проводили в кабинет.

Энца устала с дороги – шутка ли, двое суток на поезде, и теперь еще это ожидание.

Она боялась. Всегда нервничала из-за изменений, даже маленьких. И вдруг вызывают в другой город, новый начальник ей бодро обещает по телефону «идеального напарника», а сейчас сидит, задумчиво грызет ручку и что-то читает.

Здесь все было чудным для нее, непривычным. Здание Института – огромное, старинное, из темного камня, с высокими потолками, просторными кабинетами и амфитеатрами лекториев. Длинные запутанные коридоры, вымощенные серыми каменными плитами, с яркими абстрактными мозаиками на стенах и чудом сохранившимися кое-где ажурными коваными решетками, которыми некогда закрывали эти переходы на ночь и во время студенческих беспорядков. Кое-что Энца знала сама, но секретарь с удовольствием провел небольшую экскурсию по пути к начальнику.

Кабинет начальника отдела практической защиты и надзора больше походил на палату в старинном замке и располагался в самом старом крыле здания, выстроенном в псевдоготическом стиле. Сквозь высокое стрельчатое окно свет почти не проникал, заслоненный кроной могучего каштана, так что вся обстановка терялась в полумраке, едва разгоняемом легкомысленной фаянсовой лампой на столе начальника. Ребра потолка растворялись в тенях где-то далеко наверху.

Энца, на самом краешке широкого кожаного дивана (поближе к двери), с зажатой в руках чашечкой чая, казалась себе очень маленькой. Солидный и серьезный начальник в старомодных квадратных очках даже не глядел на нее, сидя за массивным деревянным столом и что-то чиркая ручкой в бумагах.

– Э, простите, – неловко заговорила Энца, когда молчание показалось ей совсем уж давящим. – Мне ничего не сказали про мою будущую напарницу. Можно пока ее анкету почитать?.. Или хотя бы имя...

Яков поднял голову, посмотрел на нее поверх очков.

– Не бойся, малышка, – скрипучим голосом, который первоначально пугал ее по телефону, сказал он. – Сейчас все узнаешь.

И тут Энце стало совсем страшно. Почему он так ласково говорит? Почему на «ты»? И почему «малышка»? «Энца, – проснулся где-то внутри шепчущий голос, – это все неспроста. Что-то будет».

Обдумать эту мысль она не успела. В коридоре послышались уверенные шаги, и в кабинет вошел молодой человек, стремительный и невообразимо прекрасный. Энца поглубже вжалась в диван. Она побаивалась красивых мужчин.

Этот же вообще был словно из какого-нибудь романа или фильма. Высокий, худощавый, с длинными светлыми волосами, свободно развевающимися за спиной, четко очерченным лицом и светлыми серыми глазами. Он был нарочито небрежно одет, в джинсы и футболку, но тем не менее казалось, будто он только что сошел с обложки модного журнала.

Смотрел он на Энцу недоуменно, глаза все более сужались, а губы сжимались по мере того, как он ее разглядывал.

– Ну нет! – воскликнул он.

– Только не говорите, что это он! – холодея от испуга, одновременно с ним воскликнула Энца.

– Это должна быть женщина! – практически в унисон закончили они.

Яков снял очки и смотрел на них, криво и слишком уж довольнo улыбаясь.

– Это же отлично, – фыркнул он. – Просто отлично. Вы даже не представляете, насколько все замечательно.

– Нет-нет, – с отчаянием перебила его Энца. – Вы же знаете... Я писала, что не могу работать с мужчиной. Может, как-то поменяться? Или... подождать?

– Малышка, ты думаешь, если подождать, он сменит пол? – с удовольствием ответил Яков.

– Сменю или нет, – резко сказал Джек, который терпеть не мог плоских шуток шефа, – но мне это не подходит. Я четко написал, с кем хочу работать. Вы знаете...

– Тс-с, тс-с, – поднял руки Яков. – А теперь, детки, успокойтесь.

Он поднялся и оперся на стол, пристально глядя на них. Серые, тусклые, как свинец, глаза его не мигали. Джек присел на подлокотник дивана, и Энца тут же отодвинулась подальше. От него пахло табаком и цветами.

У Якова сидела какая-то мышка, маленькая и растрепанная. Первое, что увидел Джек, войдя в кабинет, – большущие темные глаза на испуганном лице. Черные волосы были коротко острижены и вились на концах. Сама она была тощая – в общем, рыжеволосой пышной красотки там и близко не было.

– Джек, Джек, – укоризненно проскрипел шеф. – Где твоё воспитание? Ты даже не поздоровался, перепугал девочку, раскричался с порога.

– Пф, – пожал плечами молодой человек. – Прошу прощения.

Он встал на ноги и поинтересовался: «Я могу идти?» — с улыбочкой хорошего мальчика, который знает, что его за все простят, поэтому можно хулиганить и дальше.

– Нет, – жестко сказал шеф. – Сядь.

Джек остался на ногах, только нахмурился.

– Я одобрил и подписал все бумаги. Мы вызвали эту девушку из Люца. Я уважаю ваши чувства, но не более того. Вы не на прогулке в детском саду: оба написали прошение о работе в паре. Мы пошли вам навстречу, и будьте добры, ведите себя как взрослые ответственные люди. Завтра подготовят договор, приедете подписать. Вас обоих никто тут не держит, если вы не хотите работать.

Джек скосил глаза на девицу – та была бледна до синевы, глаза, похоже, наливались слезами, и она прикусила губу, чтобы сдержаться. Сам-то он привык к перепадам шефа – тот никогда не умел общаться с подчиненными: либо изводил их шуточками и замашками горе-педагога, либо жестко отчитывал и давил без жалости.

Молодой человек плюхнулся обратно на подлокотник, засунул руки в карманы джинсов и на секунду задумался.

– Как вы себе это представляете, шеф? – переходя на формальный тон, поинтересовался он. – Что из нас двоих может получиться?

Джек осекся, увидев на лице Якова мечтательное выражение. «Не к добру это, — в панике сообщил внутренний голос. — Что у него там на уме?»

– Все для вас, все для вас, – принуждая скрипучий голос звучать радушнее, произнес Яков. – Вот, ребятки, вам задание, как вы оба и просили. Прочитаете, выполняйте сразу. Жду результатов утром, когда придете договор подписывать.

– Я... Мне дадут жилье? Мне обещали общежитие, – тихо проблеяла девушка. Джек раздраженно посмотрел на нее.

– Общежитие? – недоуменно переспросил Яков. – А, ну да. Джек, подвезешь потом ее к зданию.

– Я как-то похож на таксиста?

– Джек, мальчик мой, – задумчиво сказал шеф. – Бери папку и вали к бесам, я устал от твоих капризов. И девушку не забудь.

Джек демонстративно проигнорировал папку с делом, и Энца взяла ее сама, неловко попрощалась и вышла вслед за молодым человеком. Еще утром в поезде ей казалось, что все будет хорошо. То есть она убеждала себя, что все будет хорошо. Большой город, старинные улочки и дома, один из крупнейших филиалов Института – и, наконец, напарница.

Теперь осталось только чувство неопределенности и страха. И этот высокий человек с внешностью киногероя, который шел впереди и даже не оглядывался. И явно относился к ней с презрением.

– Прочитала? – спросил Джек. Она догнала его и протянула папку.

Джек пренебрежительно помахал узкой ладонью.

– Не надо мне. Лучше скажи, что там и куда ехать.

– А... Адрес – Глухой переулок, на пересечении с Крепостной улицей. Но... я не знаю, где это.

– Без разницы, я знаю.

Интересно, он на машине приехал, подумала Энца, но спросить не решилась. Они вышли из Института и свернули к стоянке.

Машина Джека ей понравилась – длинная, стремительная, темно-синего цвета и с мягкой бежевой обивкой внутри. Энца плохо разбиралась в марках, и затейливый значок на капоте ей ни о чем не сказал. Она просто тихонько провела ладонью по гладкому крылу машины, пока Джек не видел, и, поколебавшись, села сзади. Быть совсем рядом с ним, на переднем сидении, ей показалось чересчур. Джек недовольно покосился на нее.

– Почему там? Садись впереди.

– Нет, меня укачивает, – соврала Энца.

Джек явно не поверил, но пожал плечами и завел машину.

– Рассказывай, что там дальше, – скомандовал он.

Энца вдохнула и постаралась кратко пересказать все, что прочла.

Джек слушал ее и все больше мрачнел. Во-первых, вроде не дура. Во-вторых, она чересчур серьезная. Джек не любил серьезных – слишком скучно. Хотя... нет, и даже не «хотя». Но она явно его боится и относится к их совместной работе так же отрицательно, как и он, поэтому можно договориться, вдвоем уломать шефа и благополучно разбежаться...

И снова месяцами валяться на диване с ноутбуком на животе. Может быть, слушать очередную истерику очередной прекрасной девы. Дилемма все же. Быть или не быть.

Надо попробовать, уж больно хитро шеф улыбался. Что-то здесь не так.

Джек прекрасно помнил, чем закончился последний опыт по работе с напарником. Тот был в коме несколько дней. И это был крепкий парень, а не маленькая девчонка, похожая на мышку, – дунь, и переломится.

– Какая у тебя специализация? – спросил он, не замечая, что прерывает ее.

Девушка замялась, и Джек продолжил:

– Подожди, а как тебя зовут? Старый хрен не сказал.

– Энца.

– Я Джек.

– Д-да. Слышала, как он тебя называл. Мне кажется, я что-то читала о маге по имени Джек... – неуверенно сказала она. – А я мастер боя.

Джек изумленно вытаращился на нее в зеркальце. Она смотрела куда-то в сторону, не на него.

Ну... надо же. И ведь не врет! Это и есть козырь шефа – дать ему в пару мастера боя?

В сумеречном небе над городом вставала луна, дороги были почти пусты, а на пересечении Глухого переулка и Крепостной улицы, где последние два дня в темноте видели чудовище, было и вовсе безлюдно. Тут стояли почтамт и банк, уже закрывшиеся на ночь, а в жилых домах окна были плотно задернуты шторами. У входа в переулок на трех металлических опорах, небрежно расставленных в кривой треугольник, была натянута красно-зеленая лента с предупреждением «Не пересекать. Парабиологическая опасность».

Джек поставил машину под фонарь, не доезжая до поворота в переулок. Энца вышла вслед за ним из машины, держа свою раскрытую сумку в руках.

– Вот, у меня тут есть всякие приспособления, – тихо сказала она.

Джек наклонился посмотреть, от этого она бессознательно прынула назад, вытягивая руки с сумкой. Молодой человек недовольно покосился на нее и вытянул пару нехитрых, явно старых технических амулетов: глиняную пирамидку с выдавленными на ней рунами и пузырек из мутного стекла с притертой пробкой и кожаным шнурком, обвязанным вокруг горлышка. Оставил без особого внимания несколько деревянных дощечек с резьбой и медный овал с половину ладони со стершимися уже знаками.

– Если бы я знал, что мы прямо сегодня получим задание, я бы взял из дома свои. Нам выдают нечто более... современное. Но сейчас и так сойдет.

Обезоруживающе улыбнувшись (Джек понадеялся на свой безотказный прием в общении с женщинами), он протянул обратно пирамидку и пузырек.

– Действуй, – жестом показав на нужный перекресток, Джек отошел к машине и, привычно прислонившись к капоту, достал сигареты и закурил.

Энца растерянно посмотрела на него, положила сумку на сиденье и пошла к перекрестку. Там она огляделась и установила пирамидку посередине, вылила из пузырька темную жидкость на верхушку. Потом выпрямилась и обернулась.

– Ты не будешь читать заклинание?

– Брось, о чем ты? Сделай это сама, я никогда таким не занимаюсь, – сморщив нос, заявил Джек.

На лице девушки появилось еще большее замешательство, что Джека только разозлило. «Деревенщина, – решил он. – То ли первый раз это делает, то ли всегда за нее напарник читал». Он не допускал мысли о том, что, пока Энца сидела в кабинете у шефа, Яков ни о чем ее не предупредил.

Энца тем временем шла к нему, пряча пузырек в карман. Джеку в наступившем уже сумраке показалось, что ее щеки и уши покраснели – отчего бы?..

– Джек, – тихо сказала она. – Мне нужна твоя сила... Дай, пожалуйста, руки.

Знал бы он, чего ей это стоило. Когда Энца первый раз делала этот обряд со своей наставницей, ей и то было ужасно стыдно – всегда было тяжело пускать другого человека дальше какого-то предела, ближе к своему телу. Энца поэтому не любила общественный транспорт – все эти случайные касания, чужое дыхание, чужое тепло вызывали только стремление отодвинуться и забиться в угол, подальше. И теперь вынужденная необходимость дотронуться до незнакомого, да к тому же мужского тела не могла не вывести ее из себя.

Поэтому, когда Джек отпрянул от нее и, нахмурившись, резко отбил ее протянутую руку, она даже ответить не смогла нормально.

– Ты что? – воскликнул Джек. – Сдурела, что ли? Тебе старик ничего не сказал? Даже не вздумай меня трогать, просто сделай это все быстро и поехали.

Джек бросил недокуренную сигарету и, подумав немного, полез за пачкой в карман, чтобы достать следующую. Когда он выуживал ее, из Глухого переулка раздалось шуршание и металлический скрежет.

Что-то ползло – и темнота оборачивалась чудовищем, будто в детском кошмаре, когда привычные вещи и места ночью показывают свою вторую, мрачную сущность, из теней домов становясь тварью с бесформенным туловищем жабы, несколькими плоскими лысыми головами на длинных шеях и хвостом с круглым мохнатым утолщением на конце.

Оно было размером с машину, на которую опирался Джек, приземистое и раздутое. Не обращая пока на них внимания, оно ползло к зачарованному артефакту, политому кровью, рывками переставляя четыре короткие толстые лапы.

«Хорошо, — подумала Энца. — Хорошо, что я не успела переодеться». На ней была удобная, пусть мешковатая и несвежая с дороги одежда: кофта с капюшоном, бриджи и кроссовки. А она-то думала переодеться в платье, чтобы произвести впечатление на будущего начальника и напарницу.

Хорошо, что не успела – да и случая не было.

Джек замер на месте, чтобы не спугнуть чудовище. Энца медленно и бесшумно двинулась навстречу. Но оружия при ней никакого не было – и она не пыталась его достать или сплести заклинание. Джек нахмурился, не решаясь окликнуть девушку.

Существо не смотрело на них, обнюхивало пирамидку; голов у него было три, как у сказочного Змея Горыныча, и все они шумно сопели, отталкивая друг друга, разевая пасти, в глубине которых поблескивали в свете фонаря продольные ряды кривых зубов. Лишь хвост чудовища дернулся, когда Энца подошла совсем уж близко, дернулся – и внезапно прянул в ее сторону, с силой впечатываясь в то место, где она стояла.

Амулет не сработал. Чудовище не попало в силоч.

Джек вздрогнул, подался вперед, опоздав с предупреждающим вскриком, но Энца уже была *над* хвостом, за миг до удара взмыв в воздух. Джек потрясенно наблюдал, чувствуя запах и вкус единственно знакомой ему магии, как тонкая фигура девушки с легкостью делает в воздухе сальто, в руках — сгустившиеся из воздуха сабли, прозрачные и светящиеся, будто лунные дорожки на море. Энца приземлилась прямо на широкую бородавчатую спину чудовища, одним взмахом руки снеся правую голову, – чудовище зашипело и попыталось ухватить ее сразу всеми оставшимися головами, и девушка снова ушла от атаки, прыгнув в воздух.

– Это амфисбена! – крикнула она, уворачиваясь от центральной головы. Задетая ее саблей ветка плавно скользнула вниз, глянцево блеснув на срезе.

Отведя от нее глаза, Джек внимательнее разглядел утолщение на хвосте чудовища: в самом деле, это была еще одна голова, чьи глаза и пасть прятались в грязных, свалывшихся космах шерсти.

Девушка уклонялась, била, постоянно танцуя вокруг амфисбены и по земле, и по воздуху: только белые кроссовки мелькали мотыльками в сумраке. Никакие тренировки не позволили бы ей так легко взмывать вверх и проводить все эти сальто, кувырки и перевороты. Джек не мог сказать точнее, он был слеп и глух в чтении магического почерка. Единственный раз, когда на занятии он по заданию слегка притронулся умом к магии, окружающей учителя, тот потерял сознание. Так что Джек довольствовался тем, что шло само. Он чувствовал железный вкус на языке – будто вкус крови, и это значило, что Энца так же, как он, использует магию воздуха.

И несмотря на subtilность Энцы, особенно по сравнению с громоздкой тушей твари, все это выглядело... нечестным боем? Энца не была задета ни разу, а вот чудовище даже увернуться толком не могло, так что исход схватки казался predetermined.

У амфисбены оставалась всего одна голова, все лапы были поранены. За эти минут десять сражающиеся переместились опасно близко к Джеку, и тот уже подумывал зайти за машину, чтобы не отвлекать на себя чудовище.

Но не успел.

Амфисбена, резко прыгнув, сбросила с себя Энцу, которая отлетела к стене дома, и отчаянным рывком кинулась к Джеку. Кровь и плоть человека дали бы ей нужные силы хотя бы для того, чтобы сбежать подальше отсюда.

Джек даже не успел никуда двинуться, замер, присев на капот, когда бугристая туша, покрытая ранами и белесой вонючей кровью, ринулась на него, разевая пасть. Он успел подробно разглядеть и сочащиеся гноем круглые пустые глаза твари, и ряды зубов, уходящие в сторону глотки, кривые и разновеликие. Не успел только подумать о том, как жил и что делал.

Пасть с кланьем закрылась, и голова упала ему под ноги. Из разрубленной шеи брызнула кровь. На спине чудовища стояла Энца, скрестив сабли, которыми она, как ножницами, срезала последнюю голову амфисбены. Девушка слегка присела, чтобы не упасть, когда туша рухнула на землю.

– Никак не могла ее догнать, все уворачивалась, – проворчала она, спрыгнув вниз. Взмахнула руками, рассеивая сабли в воздухе.

Постояла рядом с мертвой амфисбеной, и Джеку показалось, что девушка пошатывается. Достала из кармана все тот же пузырек и набрала в него крови, потом сходила за пирамидкой – но от нее осталось только глиняное крошево, рассеянное по асфальту. Наклонившись над бывшей пирамидкой, Энца поглядела в его сторону и сказала: «Теперь надо прочесть заклинание».

Джек пожал плечами: он как раз закуривал, и руки его ходили ходуном. За это он злился на себя, и ему было не до вежливости.

– Я этим не занимаюсь, я же сказал.

– Я тоже! – яростно крикнула Энца, и Джек удивленно посмотрел на нее.

Девушка опустила голову, зажимая ладонью лицо. Плачет, что ли, подумал Джек, но увидел капли крови, падающие на асфальт, – хоть от фонарей света было немного, но слезы не бывают такими темными.

– Ты что, ранена? – Джек быстро подошел к ней и, схватив за свободную руку, заставил подняться.

Силой отвел ладонь Энцы от лица. Кровь текла из носа, и, зажимая ладонью, она только размазала ее по губам и подбородку. Нос был ровный и не распухший – значит, не сломан.

– Отвратительно, – прокомментировал Джек и, достав из кармана платок, дал ей. – Сожми пальцами крылья носа на несколько секунд и прекрати запрокидывать голову, наоборот, опусти.

Она послушно все выполнила, но угрюмо и решительно пробормотала из-под платка: «Завтра я напишу заявление. Я не могу с тобой работать».

– Я вместе с тобой напишу, не беспокойся, – заверил ее Джек. – А теперь скажи, почему ты не читаешь заклинания?

Энца резко вскинула глаза, исподлобья глядя на него.

– Потому что они не работают. У меня ничего не работает. Я нулевой маг – и магия ест меня изнутри, когда я ей пользуюсь. Мне даже в патруль разрешено выходить не чаще, чем раз в месяц.

Она неверно истолковала ошарашенное выражение лица Джека – видимо, не первый раз сталкивалась со снобизмом магов, с презрением относящихся к более слабым коллегам.

Джек засмеялся бы, не сверлила она его так злобно глазами.

– Вот это забавно! – воскликнул он.

Она отняла от лица платок, чтобы ответить. Кровь из носа уже не шла, но лицо было все так же перепачкано.

– А ну закрой обратно, – велел Джек, – выглядишь ужасно.

Он помолчал, не зная, как сказать.

– Мне тоже все это запрещено. Если я буду читать заклинания, могу полгорода снести. Я не знаю, какой у меня уровень, – еще ни один магистр не смог определить пределы моих возможностей. Поэтому забавно.

Ему вдруг стало легко.

– Я не могу делиться силой – ее слишком много.

Энца едва заметно кивнула.

– Я умею брать совсем помалу. Меня специально учили.

– Тогда давай, – просто сказал Джек и протянул ей руки.

Энца повернулась так, чтобы свет не падал на ее лицо – кровь, наверное, так и не оттерлась толком, а зеркала под рукой не было. Спрятала испачканный платок в карман на животе и положила свои ладони (маленькие и тоже грязные) на его длинные узкие пальцы, которые немедленно сжались вокруг ее запястий. У него были холодные руки.

Закрыть глаза. Вдох, выдох. Успокоиться. Представить, что ноги уходят в землю, бесконечно длинные, как корни огромного дерева. Светлый шар в центре живота. Вдох – свет идет из чужих рук по ее рукам к шару. Выдох – свет из шара расходится по всему телу. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Все. Не больше трех.

Она поспешно выдернула ладони из его рук и открыла глаза.

– Ты как? – тревожно.

Джек помедлил.

– А ты?

Они одновременно пожали плечами.

– Ты не чувствуешь, что у тебя кружится голова, звенит в ушах и тело слабеет?

– А ты – не чувствуешь, что твоя голова сейчас лопнет, а глаза вылезут из орбит?

Энца недоверчиво нахмурилась.

– Твоя голова сейчас лопнет?

– Да нет же! – воскликнул Джек. – Ничего такого. Я вообще ничего особенного не чувствую. Какая слабость, ты о чем? Меня хватит на то, чтобы поднять ураган, который не то что один маленький домик унесет, а весь этот город!

Он прищурился.

– Давай свои руки обратно. Бери еще, сколько получится.

– Человек может умереть, если я возьму больше, чем это возможно, – покачала головой девушка. Темные кудри запрыгали вокруг лица. – Мне нельзя так делать.

– А я особенный, – уверил ее Джек, слегка наклоняясь к ней. – Если я отдам больше, чем нужно, человек может умереть. Так что давай попробуем.

На следующее утро Джек, вспоминая об этом, изумлялся своей смелости и злился на свою глупость. Он давно, давно жил со всем этим – воспоминаниями о покореженных металлических балках завода, бледном, обескровленном лице учителя, судорогах и страданиях напарника, который однажды неосторожно взял капельку больше, чем обычно. Всех жертвах его силы. И он смирился – а тут, будто позабыв обо всем этом, сказал полужнакомой девчонке «давай попробуем». И что если бы она умерла там, как едва не сделал Георг, корчась в муках?

Но она не умерла. Энца держала его за руки – вот ведь забавный метод, нужно будет узнать подробнее – маленькими горячими ладонями и качала его силу, как заправский насос.

Правда, он ничего не чувствовал. И Энца даже не думала падать и биться в судорогах, а наоборот, постоянно справлялась о его самочувствии.

Джек впервые ощутил подобное спокойствие. Когда она отняла руки, и абсолютно ничего не произошло. И он подумал: с ней все в порядке.

Энца ему не очень нравилась; правда, стиль боя был просто завораживающим, художественная гимнастика, акробатика и танец с саблями, все в одном, но Джек не любил тихих нерешительных девиц эфирного телосложения.

Как странно. До этого вечера он не думал, что так одинок, – пока наконец не встретил человека, которому совсем не страшна его сила.

Энца видела, что Джек отнесся к ней сначала с презрением – но не потому, что она была слаба. И он сам был силен настолько, что ему совсем... совсем не страшна была ее слабость.

Энцу называли вампиром – только за то, что она могла целиком забрать магию вместе с жизнью. Энца была пустотой. Во всех смыслах. И даже хваленые техники боя, стиль, которым так гордилась ее наставница, никому не были нужны: никто не хотел рисковать собой, чтобы она могла работать. Не стоит бездарному магу тратить жизни других людей, более стоящих и важных.

«Но я не смогу работать с ним, — потерянно думала Энца. — Он непонятный, ужасно далекий и высокомерный. Куда уж мне до него».

И еще эта история с жильем – было бы смешно, если бы Энца умела смеяться над такими вещами.

После Джек подбросил ее к институтскому общежитию. Зеленые башни, как их тут называли.

Джек и Энца некоторое время стояли перед плотно замотанными цепью ажурными воротами. Несколько старинных замков, тусклые диски защитных амулетов и табличка с предупреждением в духе «Не влезай – убьет».

– Уже поздно и поэтому закрылись? – устало удивилась Энца. – А тут... Не знаешь?.. Какие-нибудь гостиницы рядом есть?

Про себя уныло подсчитывала, сколько придется потратить из небольших сбережений, – узнать бы еще, когда зарплата.

– К бесам, – не менее устало и раздраженно отозвался Джек, – загружайся в машину. У меня есть диван, там будешь спать. Еще я тут гостиницы искать буду среди ночи.

Энца могла бы поспорить, но больше всего хотелось спать. Поэтому возражать не стала. На следующий день выяснилось, что общежития закрыты на ремонт до конца лета.

История вторая. Вечеринка со сломанным стулом

У Энцы был круглый, очень мелкий и ровный почерк, строчки сползали книзу. Джек писал размашисто, его тоже мелкие, но сильного наклона буквы были украшены длинными причудливыми росчерками.

Оба, кое-как пристроившись в коридоре под дверями Якова, писали прошение «на высочайшее имя». Яков, прочитав их бумаги, лишь хмыкнул: все уже оформлено, бюджет выделен, и в течение трех-четырех месяцев никто не будет заниматься новым подбором, поэтому своим «высочайшим именем» он повелевает подписать временные договоры и скрепя сердце поработать эти месяцы вместе.

Было видно, что ему абсолютно все равно, будут они скреплять сердца или нет, лишь бы уходили быстрее и занялись делом. Джек заметил в груде бумаг на его столе краешек папки ярко-зеленого цвета – видимо, сегодня доставили отчеты из лаборатории, и шефу уже не терпелось приняться за анализ.

Поэтому спустя пару минут Энца и Джек выводили свои имена на срочных договорах, в личных делах и журналах учета, подтверждающих, что они ознакомлены с правилами, получили соответствующие инструкции, не имеют ничего против... и тому подобное.

А еще несколько минут спустя в холле института Джека обступили трое коллег, похлопывая по плечу и поздравляя с возвращением на активную работу. Энце, благоразумно отступившей за кадку с пальмой, удобно пышной и высокой, показалось, что голоса коллег звучат достаточно иронично. Судя по натянутой улыбке Джека, у него были схожие впечатления.

Высокая статная женщина с греческим профилем, огромными глазами цвета бутылочного стекла и черными волосами, спускающимися до самой талии, тонко улыбаясь, говорила Джеку:

– А мы и не ожидали, что ты когда-нибудь вообще займешься работой, Джек... Ну где же, где эта прекрасная дама, о которой говорил Яков?

– Ты даже и в этом верен себе, Джек, – хмыкал темноволосый худощавый мужчина со щегольской эспаньолкой, в деловом костюме и очках. – Если уж напарник, то женщина. Придете сегодня в наш клуб? Будет встреча, Дениз обещалась петь.

Третий мужчина, который был выше даже Джека и гораздо шире его в плечах, тихо обогнул всех и заглянул за пальму. Энца испуганно посмотрела на него снизу вверх, отодвигаясь подальше в тень. Густая короткая борода скрывала выражение лица, но черные глаза глядели довольно дружелюбно.

Джек ткнул пальцем за спину.

– Она там, если интересно.

Женщина тут же проскользнула мимо него, отодвинула здоровяка в сторону и, ласково улыбаясь, потрясла руку Энцы.

– Здравствуй, малышка, – радушно воскликнула она, – ну что за прелесть, в самом деле! Как тебя зовут? Я Анна.

– Поостерегитесь, – предупредил Энцу мужчина с эспаньолкой, – эта дама любит тискать котят и малышей до полусмерти, а вы, к сожалению, похожи и на тех, и на других. Я Роберт.

– Я Донно, – глубоким музыкальным голосом сообщил третий.

Энца неуверенно улыбнулась.

– Я Энца, – сказала она. Потом из вежливости улыбнулась шире. – Здравствуйте.

Анна взвизгнула от восторга и даже сделала движение, собираясь ее обнять, но Донно ловко оттеснил ее в сторону. Он не улыбался, но смотрел на Энцу очень внимательно. Непонятный взгляд. Энца смутилась.

Джек покашлял от дверей. Он выглядел скорее уставшим, чем недовольным, и потирал челюсть, задумавшись о чем-то.

– Мы идем или нет? – брюзгливо спросил он, и Энца, испугавшись, что ее оставят здесь, поторопилась за напарником.

Джека все-таки уговорили, и он, недовольно кривясь, поехал в клуб. Один из отставных боевых магов когда-то открыл небольшое заведение на углу, неподалеку от Института, и, хотя поначалу там было много случайной публики, забредавшей из любопытства, вскоре основными посетителями стали маги.

Было шумно; в зале для курящих, куда сразу направился Джек, а Энца уныло потащила за ним, дым стоял так густо, что резало глаза.

Хотя все равно было интересно, и Энца, позабыв о своем неприятном спутнике, вертела головой, разглядывая просторное помещение холла, отделанное в восточном стиле.

Зал для курящих был попроще: разделенные ширмами уютные уголки с полукруглыми мягкими диванами песочного цвета, низкие темные столики. Под потолком — гроздь бумажных шаров-фонариков. В дальнем углу зала круглая деревянная сцена с микрофонной стойкой. Высокая тощая певица с темно-рыжими короткими волосами неожиданно низким голосом мурлыкала томную песню.

Их окликнули почти сразу, как они появились в зале. Джек, не думая долго, плюхнулся рядом с какой-то глазастой смуглой девушкой, ловко подвинув в сторону ее недовольного этим соседа, и заказал себе виски. Он небрежно представил всем Энцу и сразу же позабыл про нее, отвернувшись.

Это Энцу вовсе не расстроило: ее окружили уже знакомые коллеги Джека. С Анной был светловолосый очень серьезный юноша, едва ли выше и старше самой Энцы.

– Саган, – представился он и пожал ей руку. – Я тоже мастер боя.

Энцу увели за соседний столик, усадили и вручили бокал с вином. Анна собралась было кормить ее с рук орешками, но Донно мягко забрал у нее вазочку, а Саган ввинтился между ними на сиденье, пресекая дальнейшие поползновения чернокудрой магички.

В общем, вечер прошел бы достаточно приятно – и отдельно – для обоих новоявленных партнеров, если бы не два обстоятельства. Джек слишком приналег на выпивку, а в зале после окончания выступления певицы начались показательные бои.

Для Энцы это выглядело дикостью, в ее родном Люце нигде, кроме как в тренировочных центрах, маги не сражались, но здесь, как ей объяснил Саган, это было обычным явлением, с одобрения хозяина, конечно. В этот вечер хозяин сидел в зале со всеми и выкриками подбадривал сражающихся.

Два мага из obsługi установили защитный барьер, огородив своеобразный ринг на танцполе. Ритмичное техно пульсировало в воздухе, диссонируя с восточной обстановкой клуба, но удивительным образом подходя атмосфере, и в любой другой день Энца, которая тоже немного выпила, с удовольствием потанцевала бы. Но сейчас на танцполе сопели и обменивались удачами два мага-студента с тренировочными мечами.

Выглядело это скорее как несерьезная игра, да и остальные не особо интересовались этим поединком, так что вскоре мечников согнали с танцпола, и их место заняли другие, чуть старше и матерее. Они долго ходили, описывая круги и присматриваясь, потом резко схлестнулись и сразу же отпрянули. Словно змеи, подумала Энца. Она едва была способна читать магические почерки, но если сосредотачивалась, то чувствовала интересное сочетание стихийной магии с рукотворной. Эти двое были не новички, в качестве оружия использовали нечто вроде воздушных бичей, снабженных заклинаниями.

Боевые наставники на кафедре, где училась Энца, были достаточно старомодны и в основном опирались на физическую подготовку и элементарное односложное оружие. Здесь

боевое искусство было на другом уровне, и сама Энца едва-едва успевала уловить моменты ударов и разглядеть их последствия.

Первых два подобных боя она посмотрела с открытым ртом, иногда спрашивая объяснения у Сагана, потом Анна заскучала и отвлекла обоих, втянув в общую беседу.

Было уже за полночь, когда основные поединки закончились, теперь выходили новички, а мастера порой давали короткие уроки, и Энца уже поглядывала в сторону изрядно набравшегося Джека, думая, возможно ли будет его как-то уговорить идти домой.

Ей было страшно даже начинать разговор, вон как Джек недружелюбно прищурился, поймав ее взгляд.

Энца поспешно отвернулась.

– Всем доброго вечера! – к их столику подошел белобрысый растрепанный мастер боя и небрежно оперся о край стола. Его белая рубашка была расстегнута до середины груди, волосы на лбу слиплись от пота, но на широком круглом лице сияла дружелюбная улыбка.

– Эй, Саган, – окликнул парень. – Не хочешь выйти? Ребята спрашивают, ты бы показал чего.

– Нет, – извиняясь, покачал головой Саган. – У меня гейс на закрытые помещения, ты ж знаешь.

– Ну как хочешь, – не обижаясь, пожал плечами парень и перевел светлые веселые глаза на девушку. – А ты Энца, да? Меня Клен зовут. Ты не хочешь выйти на ринг? Я тоже фехтую, а Джек говорит, что ты просто звезда.

Энца в ужасе посмотрела на него, щеки вспыхнули от неожиданного и отчего-то не совсем приятного комплимента.

– Нет, простите, – промямлила она, опустив голову. – Нет, я не фехтую.

– Да ладно! Джек нам рассказывал про амфисбену, ты ее уложила за несколько минут. Это ж амфисбену! Я отчет еще днем видел, круто. Давай покажи, это тут в обычае. Ты же новенькая.

Он мягко, но настойчиво потянул ее из-за стола за локоть, не переставая болтать и рассыпать обаятельные улыбки. Энца, пытаясь вежливо отделаться, перестать привлекать внимание и ни в коем случае его не обидеть, все бормотала, что с людьми она не дерется, извинялась и просила отпустить.

Оказавшись совсем рядом с невидимым барьером, растянутым между четырьмя металлических пирамидками на полу, она поняла, что, несмотря на все протесты, стоит у самого ринга, на них все глазают и ждут.

Энца в отчаянии посмотрела на того, кто ей казался последним средством спасения.

– Джек! Я не могу драться, ну скажи!

Джек не ожидал, что она обратится к нему, и скривился в ответ, да и девица рядом с ним захихикала, подлив масла в огонь.

– Хватит выпендриваться, – раздраженно сказал он. – Что ты там мямлишь, я не понимаю совсем. Ты мастер боя, ну вот и покажи им.

– А может, Джек, ты нам приврал про нее? И ничего-то она не умеет, – мяукнула девица и гадко улыбнулась. – Девочку жалко, что вы к ней пристали?

– Да какого беса, – огрызнулся Джек. – Все она может, только думает про себя много.

Энца вскипела наконец, оттолкнула руку Клена.

– Мне нельзя драться с людьми! – упрямо повторила она.

Она бы еще сказала, что пойдет отсюда к бесам собачьим, но, к сожалению, скорее всего, оно бы так и вышло: именно что к бесам, потому что, где живет Джек, она еще не помнила... Да и ключей, разумеется, у нее не было.

Порой излишняя рациональность и осмотрительность портили весь возможный драматический эффект.

– У тебя гейс? – предположил Саган.

Их обычно давали более сильным магам, если они могли представлять угрозу окружающим. И в гейсах этих давно уже не было ничего от легенд – просто записанный в личном деле запрет.

– Нет у меня никаких гейсов, – сумрачно ответила Энца и тут же подумала, что надо было соврать.

– Да ты не бойся, – попробовал ее утешить Клен, неверно поняв причины ее отказа. – Мы тренировочные возьмем, вон, у ребят есть.

Он помахал кому-то рукой, и к ним споро принесли пару грубо сработанных мечей с рукоятями из металла и текстолитовыми лезвиями, выкрашенными серебряной краской.

– Да нет же, – с отчаянием сказала Энца, с тревогой чувствуя наворачивающиеся слезы. – Ну... Давайте я вам для примера... Мне правда нельзя с людьми...

Она огляделась и показала пальцем на стоящую в углу пару барных стульев.

– Можно вон тот стул? Я на нем покажу.

Их небольшое представление уже давно привлекло всеобщее внимание. Хозяин клуба кивнул официанту, и тот подтащил стул к Энце. Девушка взяла оба меча из рук Клена и попросила его отойти подальше.

– Мне нельзя драться с людьми, понимаете? – повторила она, глядя и на Клена, и на тех, кто сидел вокруг. – Я не могу фехтовать. Они просто все разрежут.

– Малыш, клинки тупые совсем, – озадаченно отозвался Клен. – Ты посмотри, там даже скос не сделали к краю, они толстые и тупые.

Вместо ответа Энца взмахнула обоими клинками и изящно провела уже знакомый Джеку прием, имитирующий ножницы. Совсем *тупые* лезвия прошли сквозь высокий металлический стул, словно сквозь масло.

Мгновение все молчали, потом взорвались:

– Она чары навесила, режущие!

– Не было чар, курица!

– Стул, стул-то посмотрите, может, просто проникающие чары!

– Говорю, не чары, я же чую...

– Чуешь ты, как же!

– ...ребят, ну стул-то покажите, что с ним?

Несколько магов метнулись к несчастному барному стулу, который оказался разрезанным как по нитке и держался еще только каким-то чудом. Стул разъяли на несколько частей и, возбужденно разговаривая, начали рассматривать, периодически высказывая одобрительные комментарии Энце. У той и меча отобрали, осмотрели, обнюхали, но ничего не нашли. Девушка бормотала, пытаясь объяснить, что это ее врожденная способность, связанная со стихийной компонентой, но ее не слушали, перебивая: «А если бы из металла был, разрежала бы?», «А если просто палкой?», «А как ты дома ножом режешь, стол не прорубаешь?»

Восхищенный Клен, не переставая, повторял: «Как же круто, малышка, как же круто», обнял ее за плечи и попытался дотащить до своего столика, чтобы выпить за нового «офигительно крутого» мастера боя. Энца устало отнекивалась и пыталась выскользнуть из его захвата, что было достаточно проблематично. От запаха перегара ее начинало подташнивать.

Помощь пришла сразу с двух сторон. Донно остановил Клена, лишь положив ему на плечо широкую ладонь и смерив очень внимательным взглядом, но, когда оробевший Клен откашлялся и отодвинулся от Энцы, рядом с ней появился Джек.

– Ну, спасибо, ребята, – небрежно бросил он. – Рад был повидаться, нам пора идти.

Энца заморгала и на ходу помахала рукой Донно и остальным, пока Джек тащил ее за локоть сквозь толпу к выходу.

– Пешком пойдем, – невнятным от выпитого голосом сообщил он. – Тут недалеко.

Прохладный ночной ветер освежил ее горящие щеки, стало немного легче. Но обида все равно осталась. Хорошо, что они уже написали то заявление. Теперь только дожидаться, когда подвернется другой возможный партнер. И ходить больше с Джеком никуда не надо будет.

Джек продолжал держать ее за локоть, широко шагая и вынуждая Энцу практически бежать, чтобы успеть за ним. Хоть шел он и уверенно, но по какой-то очень сложной траектории, Энца пару раз попала в лужу из-за этого и кое-как высвободила руку.

Пока они сидели в клубе, прошел короткий ливень, и теперь черный асфальт блестел под их ногами, отражая свет фонарей.

Джек на ходу прикурил и заметил:

– Так тебе с людьми драться нельзя. Почему сразу не объяснила причину? Ты совсем с людьми не драться, а *разговаривать* не умеешь.

Оскорбленная Энца засопела, пытаясь придумать достойный ответ, который бы показал, как этот самый Джек ни слушать, ни объяснять не умеет.

Джек тем временем остановился.

– Знаешь что? Давай уговор, – неожиданно сказал он. – Поделим обязанности. Ты разбираешься с чудовищами, а я — с людьми, за нас обоих. Пойдет?

Энца молчала, моргая. Хорошо, что темно, подумалось ей. Не видно, как она покраснела.

– Да, – сказала она. – Да, пойдет.

Жалко, что наутро он может и не вспомнить об этом разговоре.

История третья. Рабочие будни

Джек обычно вставал часов в одиннадцать. Иногда в восемь, но это казалось ему несусветной ранью. Времена учебы, когда приходилось просыпаться к первым парам, он вспоминал с содроганием.

Не разлепляя глаз, Джек сползал с кровати и брел до кухни, где в полудреме курил, сидя на подоконнике. Едкий дым отгонял сны, а ледяной душ смывал их остатки. А потом... ну, по крайней мере последнюю пару месяцев он без дела бродил по квартире или по городу, курил перед открытым ноутбуком, увязая в ненужных ему статьях и новостях. Это если не нужно было являться в Институт на какое-нибудь собрание или опыты.

Энца просыпалась немногим раньше, в десять, но героически боролась с этой, как ей казалось, дурной привычкой. Здесь же лишь на второе утро после памятной вечеринки ей удалось вернуться в свой режим, но и то – будильник она заводила не на семь, как бывало, а на девять: все равно никаких дел не планировалось. Все смены на ближайшую неделю им поставили в ночь.

Энца начинала утро с йоги и дыхательной гимнастики, комплекс упражнений был разработан ее наставницей, и девушка придерживалась его вот уже тринадцатый год.

Когда она оказалась в первый раз в квартире Джека, то была поражена, несмотря на свою усталость. Многоэтажный современный дом, огороженный, с охраной, парковкой и внутренним зеленым двором. В ее родном Люце таких не строили: центр был охраняемой исторической зоной, а окраины заплотнили однотипные девяти- и шестнадцатизэтажки, построенные еще лет тридцать-сорок назад.

Квартира Джека была стильной, но неудобной, по крайней мере, для двоих. В ней имелась небольшая спальня, где ночевал Джек и куда Энца не заглядывала. Остальное место занимала объединенная гостиная с кухней. Кухня сверкала хромом и черными поверхностями, от гостиной ее отделяла барная стойка. В жилой зоне – все белое, от стен до мебели, кроме столика.

Кожанный диван оказался весьма удобным, несмотря на свою внешнюю декоративность (или Энца так устала, что ей было все равно, где спать).

Низкий кофейный столик из темного дерева, где умещались теперь оба ноутбука, белая шкура на полу и стоящие вдоль стен белые стеллажи с книгами и безделушками — вот и вся обстановка. Энца сначала оробела, боясь лишний раз до чего-то дотронуться, но следующее утро рассеяло иллюзию изысканной атмосферы.

Повсюду лежала пыль, на столике были многослойные круглые разводы от кружек, бокалов и прочей грязной посуды, которая громоздилась везде, куда ни глянь. Собственно беспорядка не было, книги, диски, стильные безделушки и прочее лежали на стеллажах там, где их, видимо, положили давным-давно, и Энца решила, что отсутствие бардака говорит не о том, что Джек чистоплотен, а о том, что чудовищно ленив, чтобы что-то делать.

Наутро после той самой попойки в клубе они встретились на кухне и долго, задумчиво изучали гору грязной посуды.

Джек – потому что еще не совсем проснулся и периодически зависал, а Энца – потому что размышляла, стоит ли браться за все самой.

– Ты готовить умеешь? – наконец спросил Джек.

– Немножко, – отозвалась Энца.

– Насколько немножко? – заинтересовался он.

Энца пальцами показала, насколько, и Джек разочарованно вздохнул.

– Надо посмотреть, может, еще замороженная пицца осталась. Или придется идти в супермаркет.

– Я не люблю пиццу, – отозвалась Энца.

– Правда? – поразился Джек. – Первый раз вижу человека, который не любит пиццу. Ее же не надо готовить.

Он прошел мимо нее и плюхнулся на подоконник, закуривая.

– Почему не надо? Ее все равно разогревают.

– А если заказать, то даже резать не надо, – сообщил Джек и вздохнул: до того бессвязный разговор у них выходил.

Энцу, видимо, тоже посетила подобная мысль, и она шмыгнула носом.

– Давай лучше в магазин. Джек, по поводу... всего этого... Давай я тебе платить за жилье буду?

– Не надо, – презрительно отозвался Джек.

– Ну, за еду тогда.

– Не надо, – повторил он и, насупившись, затушил сигарету в пепельнице.

Подумал и закурил следующую. Поглядел на ее сердитое лицо.

– Хорошо, – вдруг уступил он. – Если еще готовить будешь, покупай сама.

– На твоей машине, – быстро сказала она.

– Я за рулем, – так же быстро ответил он. – И поводить даже не проси.

Их дальнейшее обсуждение прервал двойной звонок: дребезжали оба их телефона.

– И где, мать вашу разэдак за ногу ее раздери, вас носит? – раздраженно, лающим голосом поинтересовался Яков.

Энца пораженно посмотрела на Джека: она и не знала, что можно сразу на несколько телефонов звонить, Джек в ответ досадливо пожал плечами.

– Что, простите?.. – робко начала она одновременно с Джеком:

– Чего еще?

– Барбанегра написал жалобу, что вы второй день не являетесь на утренние тренировки. Или скрининги. Что там?.. – в сторону бросил Яков, и ему невнятно что-то ответили. – А, точно, тренировки-инструктажи. Короче, так: руки в ноги и на двенадцатичасовое успеваете. Потом отработаете пропущенное.

Яков бросил трубку раньше, чем Джек успел сообщить ему, что они еще не завтракали, а испуганная Энца – что она не знала о тренингах.

– Тогда едем в кафе, – подытожил Джек.

Энца тут же запаниковала.

– Мы опоздаем, разве нет? И жалобу там уже какую-то написали...

– Не опоздаем, – по привычке спорить отозвался Джек. – Что это вообще такое? Тренинги-инструктажи, блин.

– Если бы вы были нормальными людьми, то знали бы, – поучительно сказала Анна.

Она выпросила у Джека сигарету и, воровато оглядываясь, пошла с ним в курилку. Энцу еще раньше увел Саган: мастера боя занимались в другом месте, и юный коллега взял Энцу под временное покровительство, пообещав Джеку сдать ее потом с рук на руки.

– Саган запрещает курить, – пожаловалась она. – Говорит, что женщинам курить нельзя, это себя не уважать и все такое. Не говоря уж о последствиях.

– Ого, и ты слушаешься? – изумился Джек. – Кто ты такая и где настоящая Анна? Давно ты ее заменяешь?.. Ладно, ладно, глупая шутка, не маши руками. Так, а чего там с этими инструктажами?

– А, инструктажи. Ну, мы все на них ходим летом, по расписанию, три дня в неделю. Иногда лекции читают, иногда практические занятия проводят, чтобы не забывали навыки

в каких-то малоиспользуемых областях магии. Скука, короче. Но обязательная: потом, когда обновляешь лицензию, смотрят всегда, какая там у тебя посещаемость. Мастера боя в основном практикуются в парах.

– Да? А где они занимаются?

– В новом корпусе и на стадионе за ним, – Анна с наслаждением затаилась и, выпустив дым, сказала: – А ты знаешь, они так твою Энцу там ждут, посмотреть на этот ее фокус с разрезанием. Обсуждали вчера весь день, там целая толпа любопытных...

Джек кисло поморщился, затушил сигарету и, сунув руки в карманы джинсов, поплелся к выходу.

– Ну, я пошел.

– Ты куда? – удивилась Анна.

– Поклонников отбивать. Я ж ей обещал.

– Каких еще поклонников, – пробормотала Анна и торопливо докурила.

Пару секунд она колебалась: пропустить лекцию и пойти посмотреть, что там Джек учудит, или же не рисковать. Любопытство победило.

Хотя посмотреть, как оказалось, вовсе не на что было. Занятия как занятия, Анна не раз наблюдала, жертвуя той самой посещаемостью ради возможности лишний раз полюбоваться энергично упражняющимися молодыми людьми. Саган не одобрял этого: для своих лет он был чересчур серьезен.

Новенькая в спаррингах не участвовала, она покорила – и довольно ловко – полосу препятствий под присмотром тренера, мрачного гороподобного Барбанегры.

Джек, который широко шагал впереди Анны, так что та и не смогла его догнать до самого стадиона, подождал, пока Энца закончит, издали крикнул:

– Эй!.. Энца! Все в порядке?

Энца обернулась, не удивившись, махнула рукой, мол, в порядке. Джек кивнул и, развернувшись, с той же скоростью полетел обратно.

– погоди! – возмутилась Анна и, хватая его за рукав, заставила сбавить скорость. – И чего, это всё? Зачем мы сюда шли?

– Какого беса ты сюда шла, я не знаю, – отозвался как всегда грубый Джек. – Я проверить шел. Теперь мы еще на эту треклятую лекцию успеем.

– Джек!

– Чего?

– Ты девочке город уже показывал?

– Зачем?

– Ясно. Мы ее завтра забираем тогда, после инструктажа. Будем ее гулять.

– Да мне плевать, забирай. Что я, опекун ей, что ли?

Когда Анна залилась возмущенной тирадой, в основном о несчастных маленьких девочках, о которых надо заботиться, и о чурбанах, которым вообще на все плевать, Джек быстрым привычным движением заткнул уши. Анна не обиделась: слишком давно его знала.

Этим вечером планировался отдых. После нескольких достаточно утомительных часов занятий, да еще учитывая вчерашнее, Энца и Джек решили, что нужно расслабиться.

– Ну, ребята, что делаете? – бодро спросил Роберт. – У вас там дверь открыта.

Джек и Энца удивленно подняли головы: оба сидели за низким столом, уткнувшись в свои ноутбуки: Джек на диванчике, боком к двери, Энца прямо на полу. Между ними, точнее между поднятыми крышками ноутбуков, стояла круглая деревянная миска, доверху наполненная чипсами.

– Ужинаем, – отозвалась Энца.

Роберт и Донно синхронно обвели гостиную глазами: ни в едином углу этого пыльного помещения не было признака какой-либо еды.

– На вас не хватит, – предупредил жадный Джек и схватил порцию чипсов побольше.

– Это что?.. – поразился Роберт. – Вы вот... этим... питаетесь?

– Кукурузные, – пояснила Энца. – Очень вкусно.

Роберт закатил глаза, а Донно достал мобильный телефон и сосредоточенно стал набирать чей-то номер.

– А чего пришли-то? – спросил Джек, когда понял, что гости не на минутку заскочили, а собираются располагаться надолго.

Донно бубнил что-то на кухне в телефон, попутно хлопая дверцами холодильника и шкафчиков, а Роберт сидел рядом с Джеком на диванчике и благодушно улыбался.

– Ну как же, – сказал он. – Мы ведь коллеги, друзья, почему бы нам не заскочить.

– Ты последний раз «заскакивал» год назад, – подозрительно прищурился Джек и захрустел чипсами.

– Ты слышал, снова митинг в центре устраивали? – дипломатично меняя тему разговора, произнес Роберт. – Все требуют равных прав для магов. Сожгли чучело министра Доли. Говорят, пытались спровоцировать драку, но не вышло. Прищучили их ребята из полиции, маг-бригада там была. Теперь орут о предателях.

Джек презрительно фыркнул: не особо интересовался политикой. Ему всегда казалось, что ею занимаются те, кто вообще ничего не умеет, кроме как орать погромче. Особенно ребята из «Справедливой ассамблеи», банды, которую по ошибке называли партией.

Энца, как более вежливый человек, аккуратно закрыла ноутбук и отнесла его к стеллажам, где в углу скромно стоял ее чемодан на колесиках.

– Министра Доли? – переспросила она. – А что он им сделал? Он же по внешним связям.

– Он дал предварительное согласие на экстрадицию мага Шенке в Остзейде, – охотно ответил Роберт. – В прошлом году этот парень на границе с Остзейде запустил свой экспериментальный турбийон и прорвал пространство...

– Роберт, она не из деревни, – прервал его Джек. – Мы все эту историю миллион раз слышали.

Донно выключил телефон и вернулся к компании. Отобрал миску с чипсами, которыми уже вовсю закусывал Роберт, несмотря на свое недавнее возмущение. Упер руки в бока и нахмурился.

Энца занервничала, поглядывая на Джека и Роберта, но те, похоже, не особо впечатлились, так что Донно пришлось забрать и ноутбук.

– Знаете, – сказал Джек озадаченно, – ни фиги вы на гостей не похожи. Нормальные гости не врываются без предупреждения, не забирают еду и технику. Делаем так: я отвлекаю, а ты, мелкая, вызывай полицию. Попробуй пробиться в туалет и позвонить оттуда.

– Я твой адрес не помню, – с сожалением вздохнула девушка. – Так и не посмотрела.

– Ну вот, из-за твоей невнимательности нам придется весь вечер провести в заложниках у этих типов, – раздосадованно буркнул Джек, а потом остро взглянул на Донно. – А куда это ты только что звонил?

– Подмогу вызвал, – ровным тоном произнес тот. – У вас совершенно пусто на кухне. И я нашел таракана.

Энца передернулась, невольно озираясь кругом.

– Он дохлый был, – успокоил ее Донно. – Даже таракану без еды не выжить.

– Боюсь предположить, но... Уж не громкоголосую ли ведьму ты позвал?

– Джек, – укорил его Роберт. – Разве можно так о нашей старушке?

Джек довольно хмыкнул и развалился на диване, заложив руки за голову.

– Вот подожди, если она узнает, что ты ее старушкой назвал... Не завидую...

Роберт заметно перетрусил. Закашлялся.

– Так я же в переносном смысле... Ты же меня не выдашь?

Джек лениво пожал плечами.

– Да ладно, что я, зверь какой?

Однако первым делом, едва Анна и Саган прибыли, он злорадно доложил магичке, как именно отозвался о ней Роберт.

Анна появилась в дверном проеме и долгим печальным взглядом посмотрела на Роберта. Одета она была в ниспадающее затейливыми складками зеленое платье, выгодно оттеняющее цвет глаз, и выглядела просто сногшибательно. Что не помешало ей грустно заметить:

– Так ты считаешь, что я... старая уже? Годы пролетели так быстро... а я все... молодуюсь...

– Да врет он все, – неубедительно отозвался Роберт и обратил отчаянный взгляд на Энцу.

Девушка смущенно улыбнулась: она не понимала, всерьез они или так шутят, и потому не знала, что сказать.

Саган, не обращая внимания на разыгравшуюся драму, поднырнул под локоть Анны и подошел пожать руки Донно и Роберту. С Джеком он обменялся холодным кивком. Стащил с дивана подушку и плюхнулся на нее рядом с Энцей. Потом спохватился и сказал Донно:

– Мы там продукты привезли, которые ты сказал. Помочь, может, чего надо?

– Я тоже могу... что-нибудь, – робко добавила Энца. – Порезать там или почистить. Правда, я плохо готовлю.

Это мгновенно переключило Анну на другой лад.

– Ты мой цыпленочек, – ласково воскликнула она. – Ничего страшного!.. Мы тебя сейчас научим... Хотя подождите-ка. Ты, надеюсь, не будешь потом готовить этому монстру и тирану? Он не постесняется поставить тебя у плиты и всюю пользоваться твоими умениями... Мне вообще не нравится, что ты живешь у него!

Энца вздохнула.

– Да все хорошо. Я бы все равно не потянула снимать номер в гостинице или комнату где-нибудь до сентября.

Анна всплеснула руками, тут же проникаясь тяжелой судьбой бедной сироты, оказавшейся первый раз в большом городе, среди подозрительных типов и прочего...

– Я не сирота, – защищаясь, попыталась вклиниться в сетования Анны девушка. – И Люц только чуть-чуть меньше Гражина...

– Да не слушай ты ее, – махнул рукой Саган. – Завелась опять. Пойдем готовить. Я, правда, сам не большой спец, но Донно у нас просто шеф-повар.

– Записывай там на всякий случай, – посоветовал ей в спину Джек и сразу же заработал тяжелый укоризненный взгляд Анны. – А ты представь, что будет, если я начну готовить? Нас же будет не спасти.

– Да, талант к готовке у тебя небывалый, – вынуждена была согласиться Анна. – Но эксплуатировать девочку я тебе не позволю.

– Ты едва ее знаешь, – возразил Джек. – А уже нагородила бес знает чего. Не переживай, она сама за себя постоять может.

Анна лишь вздохнула, подумав, что Джек хоть и прав – может быть! – но такой самодовольный гад, что спускать ему этого нельзя. И назло ему начала спорить, пока не довела его до белого каления. Донно, чтобы успокоить их, вернул миску с чипсами и выдал по бутылке пива. «Пи-иво, – протянула недовольно магичка. – Может, вина? Что это ваше вонючее пиво...»

И тут она подскочила, завопив так, что – как потом утверждал Джек – у него бутылка в руке завибрировала.

Перекатившись через барную стойку, Саган бухнулся рядом с Анной, готовый сразиться с любой опасностью.

– Таракан, – выдохнула Анна, указывая на несчастное давно мертвое насекомое, случайно прилипшее к рукаву Донно.

– А, это тот самый, которого я нашел, – равнодушно сказал тот и сделал было движение, чтобы стряхнуть насекомое.

Анна рванула назад, снова завопив.

– Да ладно, ладно, – неожиданно засмеялся Донно. – Пойду беднягу в унитаз спущу, не переживай.

– Шутник бесов, – чуть ли не со слезами сказала ему вслед Анна.

Саган вздохнул терпеливо и ушел обратно, а Джек и Роберт, обменявшись взглядами, дружно грохнули хохотом.

– Чего ржете? – недовольно спросила Анна. – Тоже мне рыцари.

– Я их тоже боюсь, не переживайте, – подала голос Энца.

Анна вздохнула.

– Сейчас я заклинание прочитаю, девочка моя. Оно тут всех насекомых убьет.

– Здорово, – уважительно отозвалась Энца.

Пару дней спустя, вспоминая этот эпизод, Энца посчитает его предзнаменованием.

Джек тоже вспомнит, но с досадой, потому что не слушал Анну внимательно.

История четвертая. Несработавшая ловушка

– Почему все время ночью, а, Джек? – рассеянно спросила Энца.

Она сидела над своей сумкой, перебирая новенькое, недавно выданное оборудование. Джек хлопнул дверью машины и присел рядом с ней на корточки.

– Сама догадаешься? – сухо спросил он и выудил из ее рук серебристую пирамидку.

Талисман-ловушка, которую следовало напитать специальным бальзамом, настоящим на крови, и активировать заклинанием. Аналог той, что в первую их встречу использовала Энца.

– Ну, первый раз так вышло случайно... ну, и не совсем ночью. А потом, с перевертышем в парке и той штукой с кучей хвостов...

– Скипанцией.

– Ага, скипанцией. Там нас специально в ночь ставили.

– Если у вас, в Люце, не так, тогда ты не поймешь. У нас в ночь вызывают тех, кого... не жалко.

– Не жалко? – переспросила Энца.

– Не жалко. Совсем.

Энца пожала плечами: ей было не привыкать. Большинство прежних коллег пренебрежительно относились к ней, и, хотя в Люце не было принято разделение на дневные и ночные смены для «избранных», те редкие задания, что доставались ей, отличались... нет, скорее не отличались приятностью. С самого начала их с Джеком все время ставили в ночные смены. Несколько часов они утомительно и нудно колесили по закрепленному за ними участку, порой получая от диспетчера указания проверить поступивший звонок.

– Понятно, – отозвалась она.

Девушка поправила небрежно воткнутую Джеком во взрытую землю газона пирамидку и полила ее из пузырька особым составом. Потом осторожно ткнула пальцем в верхушку, утапливая ее вниз. Джек тем временем бросил сумку на капот машины.

Энца взяла его за руки и прикрыла глаза, сосредотачиваясь на подпитывании энергией. Должно быть, со стороны смотрелись они сомнительно, но в этот поздний час глядеть было некому. Напарники стояли на пустой парковке, примыкающей одним концом к маленькому скверу, скромному треугольнику зелени и клумб, и другим — к небольшому тупику. Окна в окружающих домах были темны.

Диспетчер, распечатывая для них задание, сказала, что несколько человек за вечер пожаловались на странную тень в сквере. Городские артефакты обнаружения монстр-объектов ничего опасного не показывали, но проверить все равно было нужно.

Достав из кармана записную книжку, в которой она собирала формулы заклинаний, Энца прочла одно из них. С любопытством юных натуралистов напарники склонились над пирамидкой: ничего не произошло. Собственно, как и в прошлые два раза, но тогда они не догадались обменяться энергией до установки артефакта.

– Надо подождать, вдруг получится, – неуверенно сказала Энца. – К тому же мы, может, просто не видим. Если там аура у нее, например, сменилась.

Джек пожал плечами и огляделся. У входа в сквер, недалеко от них, была изящная кованая скамейка с деревянными планками сидений.

– Давай там подождем, – сказал Джек. – Я покурю.

Энцу воспитывали в строгом уважении к правилам охоты: не отлучаться далеко от активированного амулета, не двигаться лишний раз, не говорить. Джек относился к этому более наплеватьски и разве что не курил рядом – и то, потому что Яков пригрозил штрафом.

В этот раз Энца спорить не стала: пару дней назад с перевертышем в парке они едва не попали в беду. Пока они препирались, стоя над пирамидкой, монстр-объект тихо прошуршал по траве, оказавшись за спиной у Энцы. Щелкая челюстями, рванул к ее горлу, и девушка от неожиданности рубанула так, что перевертыш, которого вообще полагается ловить живым, развалился на две неравные части.

Джек, вынимая на ходу сигареты и зажигалку, зашагал к скамейке. Энца решила остаться на месте и наблюдать.

Долго ждать не пришлось.

Крупный, диаметром около метра, клубок с размытыми границами плавно катился в сторону пирамидки, неотвратимо влекомый запахом крови и магического состава. Вот что было хорошо: для активации зова не нужно было заклинание, только снадобье. Заклинание требовалось для того, чтобы удержать привлеченное существо на месте.

Энца нахмурилась и потянулась было к сумке на машине, чтобы свериться с листом задания: ей казалось, что ничего о шарах там не было...

Джек стоял спиной, отвернувшись от ветра. Зажигалка барахла и никак не давала искру, так что он, зажав сигарету в зубах, сосредоточенно щелкал колесиком. Джек вздрогнул, услышав вопль Энцы, и резко обернулся.

Шар рассыпался, расползся, оказавшись скопищем крупных желтовато-коричневых насекомых, с ладонь размером. Они окружили пирамидку, за пару секунд воздвигнув над ней мерзко шевелящуюся, тихо шуршащую гору. Хитиновые спинки тускло поблескивали в свете фонарей.

Энца, чье отважное сердце дрогнуло перед этой угрозой, отступала.

– Тараканы, это тараканы, Джек, – ошеломленно повторяла она, пока Джек не схватил ее за плечо, крепко сжав.

– Ловушка должна сработать, – морщась от вида копошащихся тварей, сказал он.

Оба замерли, ожидая.

Энца сжала кулаки, на всякий случай готовясь выпустить воздушные лезвия.

Джек, стараясь двигаться плавно, полез за телефоном в задний карман джинсов.

Тараканы вдруг прыснули в стороны, перебирая тонкими лапками.

Ловушка не сработала. Так же как с достопамятной амфисбенной.

Энца передернулась, когда насекомые стали разбегаться. Они двигались не так быстро, видимо, все же оглушенные магией, беспорядочно кружились и сталкивались друг с другом, но тем не менее покидали двухметровый радиус захвата ловушки.

Джек, не задумываясь, задвинул Энцу себе за спину, другой рукой держа телефон и вызывая диспетчерскую. Он кратко обрисовал ситуацию, назвал адрес.

Девушка, которая ответила на звонок, удивилась.

– В чем проблема? По базе ваш вызов классифицирован как D1, первой сложности. Зачем вам подкрепление? Понимаете, по инструкции не полагается подкрепление.

– Потому что мы не справимся с ним, тут хренова сотня насекомых...

– Я вам говорю, это первый уровень. По правилам на такой вызов не высылаются больше одного наряда.

Энца тем временем пришла в себя и скользнула вперед, нырнув под локоть Джека. Она попыталась воздушными клинками согнать тараканов обратно, затем трансформировала клинки в один большой молот и стала методично долбить по разбегающимся тварям.

Асфальт шел трещинами, дерн с газона летел крупными кусками в разные стороны вместе с разноцветными лепестками космей и фиалок. Тараканы по большей части избегали ударов, но те, которые попадали под молот, уже не двигались, расплюснутые в коричневое месиво с белыми жирными пятнами внутренностей.

Энца вошла в состояние священной ярости: почти не касаясь земли, она стремительно перемещалась, обрушивая свой молот на скопления побольше, потому что по одиночкам попасть было практически невозможно. Они ловко уворачивались, как мухи от свернутой газеты.

Джек, уже перешедший на повышенные тона в разговоре с диспетчером, одновременно прикидывал, что если он попробует сейчас что-то сделать, то всего лишь расшвыряет тварей по городу вместе с деревьями – и Энцей. Последнее останавливало его больше всего.

Энца не слишком преуспевала, разможенных тварей было намного меньше, чем живых, но тем не менее кое-чего она добилась. Тараканы прекратили разбегаться и, напротив, стали стекаться в ее сторону. Когда несколько насекомых вскарабкались на ее ноги, Энца издала оглушительный ультразвуковой вопль, скинула их и стала прыгать на месте, пытаясь раздавить кроссовками.

Безрезультатно. В ней едва ли было пятьдесят килограммов, и это не приносило никакого ущерба тварям из заповедья, которые были только ненамного меньше ее подошв.

Джек послал к бесам диспетчера, которая терпеливо пыталась объяснить, что она не имеет права никого больше отправлять, и даже попробовала напомнить ему формулу заклинания от насекомых. Послал достаточно нецензурно: время поджимало.

Он не видел никакой опасности для Энцы сейчас – вроде бы насекомые не кусались, но бес его знает, что будет дальше. Все, что он знал о подобных существах, — это то, что они аккумулировали отрицательную энергию и, если пробирались в жилье незамеченными, становились источниками неприятностей и психических расстройств. Чем дольше такой таракан жил в доме, тем больше бед и проблем происходило. Но вот чтобы они сами на кого-то нападали? Не было такого.

Хотя кто его знает, может, сейчас и кусаться начнут.

Набирая другой номер, Джек торопливо пошел к Энце. Он был гораздо тяжелее, и поэтому расшвыривать насекомых было проще.

– Идем, – сказал он ей и поднял, обхватив одной рукой за пояс.

Энца не сопротивлялась, но пыталась продолжать свой бой, посылая направленный воздушный вихрь на тварей.

– Успокойся, – напряженно сказал Джек, – а то сейчас опять в минус уйдешь. Я звоню Анне, попробуем то заклинание, которое она у меня дома читала.

Анна была недоступна, зато ответил Саган, который пообещал прислать слоговые узлы заклинания сообщением и сказал, что выедет сразу же.

Им не удалось выбраться из круга насекомых, твари следовали за напарниками, громоздясь друг на друга волной, захлестывая Джека почти по колени. Кажется, их не становилось меньше, несмотря ни на что.

– Поставь меня, – крикнула Энца, стукнув его кулаком в спину. – Поставь, я их буду дальше молотом!..

Джек тем временем вернулся к мысли поднять шторм и расшвырять треклятых тараканов на все четыре стороны. Пусть потом те шутники, которые устроили им этот вызов, отлавливают по подвалам и чердакам отдельных особей. Эти весьма неблагородные мысли Энца все же умудрилась прервать, выскользнув из его захвата.

Она, зашипев от ярости, отпихнула пару особо рьяных тварей, забирававшихся по джинсам Джека вверх, и снова сотворила молот. Обломки асфальта полетели в стороны, задевая и Джека, и машину, и других тараканов. И только этим последним никакого ущерба от обломков не было.

Телефон пикинул весьма вовремя: Энца начала выдыхаться, а самообладание Джека истощилось до нитяной толщины.

– Читай! – крикнула Энца, верно поняв, что за сообщение. – Я буду повторять!

– Сдурела?! – крикнул в ответ Джек и приложил сразу пятерых доской, выуженной из обломков скамьи. – Тут весь квартал снесет!

– Тогда давай телефон!

Они поспешили друг другу навстречу: Энца рассеяла молот в воздухе, схватила телефон и спряталась за спиной Джека.

Надо было сосредоточиться. Сразу после обмена энергия так и бурлила в ее крови, даже казалось, что тело стало легче и можно взлететь, едва шевельнув пальцами. Теперь от этого и следа не осталось. Хватит ли, чтобы запустить заклинание?

– Попробуй взять у меня еще, – сказал Джек, который думал о том же. – Даже если не выйдет, я приложу тут их всех остатками.

Энца кивнула, хотя он не мог видеть, и, сунув телефон в карман, взяла Джека за локти. Закрыла глаза. Напряжение не давало ей сосредоточиться, и привычный мыслеобраз о светящемся шаре никак не формировался. Энца вздохнула глубже, выдохнула. Прижалась лбом к напряженной спине Джека, которому тоже пришлось замереть, чтобы не мешать ей, и сконцентрировалась.

Ноги – длинные корни, уходящие в бесконечную глубь земли. В центре живота – сияющий шар энергии. Вдох – по рукам к нему идет сила. Выдох – расходится от живота по всему телу.

В этот раз Энца прервалась, когда почувствовала легкость. Даже головокружение, будто выпила лишнего.

– Ты как? – невнятно спросила она.

– Нормально, – отозвался Джек. – Только это дерьмо уже по ногам ползет. Давай заклинание.

Энца закивала торопливо, потопала, отгоняя тараканов, и вытащила телефон.

С первого раза не вышло. То есть вообще ничего.

– Давай еще раз, – сказал Джек и, не сдержавшись, выругался.

Дерьмовая и мерзкая ситуация. Как же кому-то было весело отправить их, двоих недомогов, именно туда, где нужно настоящее искусство, а не их боевые приемы или неуправляемые бури?

Энца срывающимся голосом повторила заклинание.

Тараканы вдруг затихли. Энца осторожно выглянула из-за Джека, оглядывая развороченный сквер и парковку.

В этот раз оба выругались синхронно.

Тараканы уходили. Организованно и тихо расползались в разные стороны.

Энца почувствовала, что от злости темнеет в глазах. Едва не сбив Джека с ног, она рванулась за насекомыми, взлетая в воздух и на ходу запуская молот.

Только это остановило Джека от похожих действий: вид разъяренной напарницы, которая без толку крушила налево и направо, едва попадая по тараканам.

Джек, приходя в себя, рванул вперед, уворачиваясь от ее молота и снова хватая поперек туловища.

– Успокойся! – крикнул он ей в ухо и тут же чуть не поперхнулся ее короткими волосами, когда она замотала головой.

– Пока Саган не приедет и не привезет Анну или кого найдет, давай сделаем что можем, но не так... Да стой ты! Успокойся! Ты все равно не попадаешь по ним!

Энца зашипела, как сердитая кошка, но потом утихла.

– Давай так, – сказал Джек. – Ты пробовала когда-нибудь энергию на расстоянии брать? Ну и... ладно. Теперь попробуй. Попробуй взять из них, а если не выйдет, я того...

Он поморщился, потирая правое плечо.

– Ну давай, Энца.

Саган разбудил Анну и вызвонил Донно. Роберт был на ночном дежурстве в лаборатории, поехать не смог. С Донно им повезло: тот был за рулем. В дороге Саган торопливо печатал сообщение под диктовку зевающей Анны.

Минут десять назад, когда Саган ее разбудил, она просто подскочила на месте, узнав о беде, которая настигла их незадачливых коллег. Но теперь усталость взяла свое, и, едва убедившись, что Саган записал все правильно, магичка заснула, свернувшись калачиком на заднем сидении.

Донно по своему обыкновению молчал. Ехали быстро, срезая путь по переулкам, где это было возможно.

Когда оставалось всего лишь повернуть за дом, чтобы попасть к скверу у Литейного тупика, впереди глухо бухнуло. Взрывная волна беззвучно прянула в стороны, и ее порывом машину Донно закачало и ошутимо развернуло.

Анна скатилась с сиденья на пол и в испуге закричала.

– Что? Что это? Мы врезались в кого-то?

– Да нет, – напряженно ответил Саган. – По-моему, это Джек.

За углом разгоралось зарево. Полные дурных предчувствий, маги оставили машину и поспешили вперед. Анна причитала на ходу, жалуясь на странные ощущения и подозрительно темные эманации.

Горела мусорная урна у входа в сквер. Ну, где раньше был сквер, если быть точным.

Ровно в центре разрушений, среди развороченного асфальта парковки, вывернутого дерна и разоренных клумб, стояли двое и растерянно оглядывались. Вокруг них был ковер из разможенных и высушенных тел насекомых.

История пятая. Выговоры и награды

Яков сцепил пальцы, оглядывая напарников поверх очков. Энца и Джек сидели на диване в его кабинете: настоящие примерные школьники, руки на коленях, спины прямо. Джек, правда, быстро утомился, закинул ногу на ногу и нервно качал ею.

– Подытоживаю. Вы оба не могли справиться. Отдавали себе в этом отчет. И сначала поступили логично: сообщили в диспетчерскую.

– Я все этой дуре объяснил. А она заладила: не полагается, не полагается поддержка, – вздохнул Джек.

Под свинцовым взглядом Якова он умолк и пожал плечами.

– Значит, не так объяснил. С дежурным диспетчером тоже будет проведена работа...

– Ее накажут? – воодушевился Джек.

– Джек! – рявкнула дама, которая присутствовала при разбирательстве.

Энца не расслышала ее имя, а переспросить не решилась: очень уж та выглядела грозно. Крупная, с черными широко расставленными глазами на угловатом плоском лице. Она то и дело поджимала ярко накрашенные губы, скрестив на пышной груди полные руки, и всем видом выражала недовольство. Толстые пальцы, унизанные кольцами, несколько браслетов, крупная подвеска на груди, короткие светлые волосы и мешковатые, но стильные черные одежды. Настоящая ведьма. Энце она напомнила ее наставницу, только та была сухощавой и более... спортивной.

Ни Энца, ни Джек не могли «прочитать» эту даму, иначе бы у них, как у Якова, рябило в глазах от магического фона, создаваемого всеми ее побрякушками-артефактами. Магом дама была довольно посредственным, зато обладала весьма целеустремленным характером и твердым пониманием того, как все должно быть устроено на этом свете. В свои сорок с небольшим она занимала завидную должность главы Дисциплинарного комитета магов.

Энца была еще с ней не знакома, а вот Джек знал достаточно. Она была в составе кураторского совета еще в начале его учебы, и ее неодобрительный взгляд год за годом сверлил бедную белобрысую голову незадачливого подростка, то и дело попадающего в неприятные и все более опасные истории, по мере того как высвобождался его внутренний потенциал.

Офелия всегда придерживалась принципа «правила должны быть соблюдены, а те, кто их нарушил, – наказаны». С одной стороны, это всегда давало надежду на то, что справедливость будет восстановлена. С другой... ну, Джек постоянно оказывался на той, другой стороне. Когда тот, кому надо воздать по справедливости, это именно ты.

– Я не могу вас упрекнуть в том, что вы не покинули место инвазии... Инструкция предполагает, что бригада, прибывшая по вызову, обязана довести дело до конца, но... так, если логически размышлять... на хрена вы там остались торчать? Ни один из вас не может связать никаких чар. Толковых, во всяком случае. То недоразумение, следы которого обнаружили техники после всего, не считается. Вы знали, что большое количество инсект-объектов первого уровня способны выпивать энергию магов?

«Вот оно что», – подумала Энца, испытывая это на себе.

Джек, который этого вовсе не заметил, хмыкнул.

– Ясно, – кивнул Яков. – Не знали. Неучи несчастны.

– Яков, я бы хотела вынести на следующую повестку встречи Коллегии институтов вопрос о проверке компетентности дежурных магов. Скажем, ввести ценз по выпускному баллу теоретической части...

Энца обиженно вскинулась.

– У меня диплом с отличием, – тихо сказала она. – Но некоторые вещи на лекциях не рассказывают. Вы бы лучше ввели какие-то... занятия для дежурных-новичков.

– Например, тренинги-инструктажи? – с обманчивой благожелательностью кивнула дама. – Те, которые вы с напарником благополучно пропускаете... я бы сказала, *систематически* пропускаете.

Нет, никогда. Никогда Энца не оказывалась в таком положении. В учебе, посещаемости, готовности к ответу и экзамену она всегда была на высоте. Ни единого слова укора от кураторов и преподавателей она не слышала. Молчаливое презрение коллег по поводу ее магических способностей было уже потом.

А сейчас происходящее казалось дурной шуткой. Кто эта девушка, которую ругают за прогулы и незнание теории? Это не Энца, а кто-то другой. Не она.

«Прекрати, – прошипел раздраженно Джек, который заметил, как она, беспокойно расширив глаза, стала суетливо дергать край рукава. – Успокойся!»

– Уважаемая Офелия, – сказал Яков. – Тут ничего криминального нет. Оба этих субъекта ранее были освобождены от посещений тренингов-инструктажей.

– О боже, Яков! – раздраженно воскликнула дама. – Разве в этом дело? Вопиющая неграмотность ваших сотрудников едва не вызвала большой скандал, мы еле успели это все выставить... хм... оправдаться. А что говорить о причиненном ущербе? Их зарплат не хватит и четверть убытков покрыть. Я вообще не понимаю, почему вы до сих пор продлеваете его лицензию и держите его на окладе... Вы знаете, что из столицы звонил сам Ингистани? Глава Дисциплинарного совета страны, между прочим. И что я ему говорила? Байки про мальчика, у которого не устоялась сила, уже не проходят.

Дама окинула взглядом и Энцу.

– Несмотря на то что вы смогли подобрать напарника, я, честно говоря, сомневаюсь, что эти двое вообще на что-то способны. Кроме разрушений. Не в обиду вам будет сказано, уважаемая... м-м-м... запаматовала имя...

– Энца, – сказал Джек и вдруг широко, обаятельно и совершенно фальшиво улыбнулся. – У вас всегда такая плохая память на имена, уважаемая Офелия.

Дама заметно подобралась: это ее задело, но она быстро взяла себя в руки.

– А тебе, Джек, помолчать бы, – холодно сказала она. – За неуважительное отношение к членам Дисциплинарного комитета можно получить как штраф, так и выговор.

Джек склонил голову к плечу.

– Да? И что?

– Джек, – равнодушно оборвал его Яков. – Не туда тебя несет. Собственно говоря, мы вас и вызвали, чтобы объявить выговор, который будет занесен в ваши личные дела... и выяснить некоторые обстоятельства.

– Что-то не так? – чутко вскинулась Энца. – Кто-то из тараканов ушел... или пострадали люди?

– Нет, – помолчав немного, отозвался Яков. – Ни то, ни другое. Кто-нибудь из вас не заметил... чего-либо? Свет, звук? Всплеск энергии?

Он знал, что этот вопрос по меньшей мере глуп. Оба, судя по жалобам местных, сами шумели будь здоров. Орали не переставая, как указывали свидетели, что уж говорить о грохоте от ударов Энцы и вое шквала, вызванного Джеком.

Подожженная урна и огненный язык, вспыхнувший на миг. Отсутствие способностей к тонкому «чтению» магии. Где тут можно было заметить подозрительный свет или звуки...

Но задать вопрос следовало.

При Офелии не стоило нарушать правила.

Джек и Энца синхронно переглянулись и покачали головами: что и следовало ожидать.

– О боже мой, – возвела глаза к небу Офелия. – Что за жалкое зрелище! Почему вас вообще туда послали?

– Вот и я удивился, – вежливо согласился Джек. – Я спрашивал, но мне не сказали.

– А что, собственно, произошло... еще? – спросила Энца.

– Мониторинг показал небольшой всплеск энергии, отличный от человеческой магии, который произошел в той же точке, – не обращая внимания на предупреждающий взгляд Офелии, сказал Яков. – Но тут такое дело... Энергия, судя по остаточным следам, принадлежит нашему миру.

– А что там было раньше, на месте парка? – живо спросила Энца. Она любила детективы. – Может, прорыв тараканов открыл какой-нибудь старый могильник? Или кого-то они привлекли из спящих под землей? Или...

– Вы, я вижу, веселитесь, – обвиняюще сказала дама. – Попрошу вас быть серьезнее. Если выяснится, что это вы были причиной явления неизвестного объекта, то ответите по всей строгости закона. Я понятно объяснила?

– Вполне, – тихо отозвалась Энца.

В этот патетичный момент у Джека завибрировал телефон: уже второй раз за встречу. Не глядя, молодой человек нажал отбой, но лицо его поскучнело: видимо, это было что-то неприятное.

– Возвращаемся к сути дела, – продолжила Офелия. – Так как вы оба только начали практику после длительного перерыва, на вчерашнем заседании Дисциплинарного комитета решено было сделать скидку... поэтому вы оба не отстранены. Штраф будет минимальным, а возмещение убытков... вас не касается. Не стоит так оживляться, Джек. До наказания я еще не дошла.

– Так будет еще и наказание?

– Тебе ли не знать, – сухо обронила дама. – Естественно. Любой проступок следует искупать. С сегодняшнего дня и далее вы оба переведены на другой уровень. Z, но не выше четвертого.

Она помолчала, втайне наслаждаясь вытянутым лицом Джека и расстроенным, но недоумевающим Энцы. Уровень Z предполагал сложные случаи, крупные объекты, устойчивые к магическому воздействию или с малым магическим фоном, но при этом крайне опасные из-за каких-либо физических характеристик.

– Помимо этого на вас будут все вызовы с пометкой «a posse». То есть будете проверять всю эту чушь, которую на нас вываливают граждане.

– А posse? – переспросила Энца.

Латынь она знала, но порой местечковые чиновники изобретали свои пометки для различных нужд.

– А posse ad esse, – пояснил Яков. – «От возможного к действительному». Значит, непроверенные слухи, письма с жалобами на привидения, вампиров и русалок.

– Ух ты, – невольно восхитилась Энца и тут же скисла под игольно-острым взглядом Офелии.

– Умственный уровень ваших сотрудников также поражает, – прокомментировала Офелия, а Энца залилась краской по самые уши. – Сколько вам лет, милочка? Вы же только после окончания академии? Восемнадцать? Деятнадцать?

– Двадцать четыре, – буркнула Энца, и Джек в изумлении уставился на нее. Он, как и Офелия, полагал, что ей едва ли больше девятнадцати.

Впрочем, Саган тоже выглядел как вчерашний студент, а был ровесником Джеку.

– Я все равно старше, – сообщил Джек.

– Помолчи, Джек, – в унисон сказали Яков и Офелия.

Офелия на секунду прикрыла глаза и несколько театральным жестом прижала кончики пальцев ко лбу.

– Каждый раз... каждый раз, когда я сюда попадаю... этот ваш балаган утомляет меня невероятно. В детском саду малышам проще объяснить, чем вам... Джек, прекрати играть с

телефоном... Я хочу, чтобы вы оба поняли: вы наказаны. И это наказание, на мой взгляд, еще чересчур легкое. Вы оба... позорите других магов, ваша топорная работа на Литейном тупике стоила всем немало сил и нервов.

Где-то после первой фразы Джек привычно отключился от льющих сентенций Офелии, достал телефон и посмотрел, кто вызывал его... Поморщился, скорее не от замечания дамы, а от того, что подтвердились его опасения.

Покосился на Энцу: та с выражением откровенного ужаса на лице не отрываясь смотрела на Офелию, и глаза девушки медленно стекленели.

Джек фыркнул про себя; на незнакомых людей Офелия всегда производила такое впечатление: когда еще пару дней после ходишь с осознанием того, что виноват во всех человеческих бедах, и самое правильное, что стоит сделать, — это побыстрее утопиться и желательно так, чтобы никого потом не травмировать своим видом. Энце будет тяжело, она и так горюда себя накручивать... Тут Офелия нашла себе верную жертву.

На их счастье, помощник Офелии, который приехал с ней и тихо ждал в углу на стуле, очень вежливо прервал ее, напомнив о следующей встрече. Дама отбыла, позвякивая браслетами, попрощавшись только с Яковом, хотя Джек весьма радушно желал ей доброго пути и здоровья.

– Ну что, мы свободны? – бодро спросил Джек.

– Погоди еще, – проскрипел Яков. – У меня осталась пара вопросов. Во-первых, хочу подробнее узнать о твоём способе забора энергии, Энца. Во-вторых, расскажите, каким образом вы двое вызвали огонь? Техники не обнаружили ни следа необходимого для этого заклинания, ну, о стихийном огне нечего и говорить.

– Так мы... зажигалкой, – робко ответила Энца. – У Джека как раз барахла, я подкрутила мощность на максимум, и мы на нее... кислородом. То есть я воздушным клинком рассеяла. Ну, чтоб жуков поджечь.

Яков пару секунд смотрел на них поверх очков, и глаза его были почти такие же квадратные, как и оправы. Потом он оперся лбом о руку и вздохнул. Энца не поняла, а Джек увидел, как начальник скрывает усмешку.

Смешно ему. Сам бы попробовал на их месте.

Яков повздыхал еще, успокаиваясь. Отер крошечные слезы от сдержанного смеха согнутым пальцем.

– Ну, это ладно. Вы у меня, конечно, молодцы, что тут сказать...

– Молодцы? – поразила Энца. – Но... выговор и вот...

– Офелия всегда чересчур строга, – отмахнулся Яков. – По факту все издержки покрываются из городского бюджета, потому что комитет выставил это дело как героический поступок. Два простых патрульных низшего ранга в одиночку справились со сложнейшим делом, спасли целый квартал, а может, и весь центр. Вы этого, конечно, не слышали, если что. Это педагогическая тайна, чтобы не зазнавались.

– Но... нас-то наказали, – отозвалась Энца.

– Не так уж сильно, верно? Выговор и перевод. К тому же вы действительно нагородили много такого, что не делают даже первокурсники. Джек нарушил свой гейс, что само по себе чревато временной потерей лицензии. Пока всё спустили на тормозах, но в следующий раз...

Энца вздохнула, а Джек уже достал сигарету, собираясь уходить.

– Ну, если больше наказывать не будут, я все-таки пойду, – сказал он.

– Нет, Джек, – проскрипел Яков. – Мне уже прислали сообщение, что ты не отвечаешь на вызовы тестировщиков, а они тебя сегодня ждут.

Джек помрачнел, а Энца подумала, что это были те самые звонки, которые он отклонял во время разбирательства.

– Хорошо. О технике напишешь мне краткий отчет, – обратился к Энце Яков, – и при-
шлешь на почту. А пока идите уже.

– Есть планы? – спросил Джек, когда они уходили из приемной Якова.

Энца покачала головой.

– Хочешь посмотреть на лаборатории?

– Это куда тебя вызвали? А что ты там делаешь?

– Собственно, работаю там. Свинкой.

Девушка удивленно нахмурилась.

– А они что, ставят эксперименты на тебе?

– Ага, – отозвался Джек.

Больше он ничего не говорил, а Энца постеснялась спрашивать.

Через узкий черный коридор они вышли на улицу, потом по вымощенному серыми пли-
тами дворику прошли к длинному шестиэтажному корпусу. Безликая бетонная коробка без
изысков и украшений, решетки на первых двух этажах, зеркальные стекла на последнем.

Джек, мрачней с каждой минутой, широко шагал, засунув руки в карманы и мусоля неза-
жженную сигарету во рту.

– Это Птичий павильон, – неохотно пояснил он. – Тут всегда были лаборатории, но в
шестидесятых старое здание снесло взрывом. У них в принципе постоянно что-то происходит,
то пожар, то замыкание, то наводнение. Смотри в оба, короче.

Энца поставила себе на заметку узнать потом, как павильон выглядел раньше. Наверняка
что-то более интересное, чем сейчас.

Красивые здания Энца любила и не раз думала, что, не сложишь ее жизнь таким обра-
зом, пошла бы учиться на архитектора. Жаль, что с середины прошлого века магам запрещено
заниматься архитектурой. «Хотя вон в Азии таких запретов нет и в Новом Свете... но у них
свои ограничения, может, и похуже наших будут», – думала Энца, перепрыгивая через каждую
вторую плиту двора.

В Новом Свете так и вовсе постоянные стычки между гражданскими и магами, где-то
спокойно живут, а где-то воюют не переставая. А в Азии, говорят, теневые кланы магов под-
няли под себя правительство, и несогласные люди партизанят, жестоко вырезая целые семьи,
где рождаются маги.

В соседнем Остзейде магов сильно не жаловали: территория стабильная, защиты почти
не требовалось. На зверства в отношении магов, происходящие в Остзейде, остальные страны
Старого Света смотрели сквозь пальцы, хоть и не одобряли. Худой мир лучше доброй ссоры,
как говорится.

Задумавшись, Энца несколько раз чуть не упала. Плиты становились все выщербленнее.
Глубокие царапины, подпалины и сколы щедро усыпали каменную поверхность. Самая глубо-
кая трещина змеилась от пояса рун вокруг здания до бетонного крыльца.

Пока Джек разговаривал с дежурным на проходной, Энца разглядывала план эвакуации
на стене, пытаясь представить, что там такое расположено. Но план был весьма условен: без
названий и указателей, только невнятные цифры, куча разных помещений и путаница коридо-
ров.

Рядом в рамке висела еще одна схема: на желтоватом листе, обгоревшем с одного края,
здание других очертаний, более причудливых, с круглыми выступами по углам, двумя кры-
льями позади и овальным холлом. Судя по всему, то самое, старое здание.

Лаборатория, в которую они шли, находилась на втором этаже. Джек рассказал, что
на подвальных этажах лаборатории посерьезнее, есть даже нечто вроде зверинца, где держат
нескольких объектов G-типа. То есть крупных немагических тварей.

– Туда тоже приходится спускаться, – туманно сказал Джек, но расспросить Энца не успела: они подошли к двустворчатым металлическим дверям.

Небрежно и крупно на них было выведено черной краской «№4». Около ручки и замка темнели обширные подпалины, на одной из створок была небольшая выпуклость с полметра в диаметре. Энца попыталась представить, что же такое могло врезаться изнутри, что металл выгнулся, но фантазии не хватило.

Джек со скрипом повернул ручку и выругался, когда она едва не выпала. Внутри ярко горели люминесцентные лампы, но помещение было скрыто за белой ширмой на колесиках и несколькими шкафами, которые образовывали что-то вроде прихожей.

Рядом с дверью стояла погнутая вешалка на одной ножке и пластиковый стол с несколькими стульями. За ним, сильно сутулясь, сидел молодой человек и пил чай. Едва он их увидел, как грохнул кружку о стол и резко встал.

– Джек, ты совсем обалдел! – вместо приветствия воскликнул он. – Мне пришлось к Якову обращаться, чтобы тебя найти. Почему к трубке не подходишь?

– Я занят был, – ответил Джек. – Здорово, Ван-Лир.

Длинный, очень худой парень с коротким ершиком белых волос и круглыми совиными глазами спрятал мосластые руки в карманы длинного халата и сердито уставился на Джека. Халат был не белым, а серо-зеленым, с художественно расположенными на нем кофейными пятнами и брызгами. На шее болтались защитные очки, на ногах были обтрепанные джинсы и резиновые тапочки. Энца выглянула из-за спины напарника и нервно кивнула.

– Здравствуйте.

Беловолосый возмутился так, будто его ткнули шилом в бок.

– Ты совсем с катушек слетел? Ты кого с собой притащил? Может, ты еще...

– Захлопнись, – резко сказал Джек. – Это мой напарник.

– Здравствуйте, – еще раз сказала Энца.

Ван-Лир замер, сосредоточенно глядя на них. Пауза затягивалась, Джек покашлял скептически, и тут из-за ширмы вышел еще один мужчина.

– Здравствуй, Джек! Ван-Лир, займись оборудованием, не стой тут как столб. Чего он опять задумался?

– Я своего напарника привел, познакомить, – пояснил Джек.

Второй мужчина обогнул Ван-Лира, не забыв толкнуть его в бок локтем, подошел к Джеку и окинул Энцу удивленным, но веселым взглядом.

Этот еще меньше походил на ученого: невысокий, кряжистый, с перебитым носом, смуглой кожей и лысой головой. Скорее боксер в отставке, только глаза цепкие, с хитрым прищуром. Халат его был белоснежно бел, как и воротник рубашки, выглядывавший из-под него, брюки ровно выглажены по стрелке. Правда, те же резиновые тапочки, но, может, тут так положено. У себя в Люце Энца никогда не бывала в лабораторном корпусе. Ежегодные биометрические проверки проводили в основном здании.

– Здравствуй, Винни, – сказал Джек. – Надеюсь, вы сегодня меня не будете в клетку сажать и иголками тыкать?

– Ха-ха, – неубедительно засмеялся тот. – А когда тебе дали напарника? Что-то я не слышал. Ну-ка пройдемте, я замерю вам...

– Ну-ну, Винни, – остановил его Джек, перехватывая за руку, которую тот уже протянул к Энце. – Несанкционированные опыты запрещены. Сегодня у вас только я, несчастные вивисекторы... Ты, кстати, забыл спросить, как ее зовут, а уже полез за иголками.

– Энца, – тихо сказала девушка, когда острый взгляд Винни обратился к ней.

– Это Винни, заведующий четвертой лабораторией, тот — Ван-Лир, старший научный сотрудник. Есть еще лаборанты, но я их не вижу.

– Эти лоботрясы на обед ушли, – благодушно сказал Винни. – Не бойсь, Джек, мы тебя и без них разберем. Иди куда обычно.

Ван-Лир зашел за шкафы и пропал, Энца, стараясь не особо заметно вертеть головой, последовала за Джеком.

За шкафами, беспорядочно набитыми папками и книгами, находилось просторное помещение. Высокие окна были забраны снаружи решетками, в произвольном порядке тут и там стояли пять компьютерных столов. На полу рядом с ними – картонные коробки, заполненные всякой всячиной: бутылочками, статуэтками, ножами, свернутыми тканями, резными дощечками, шкатулками и прочим интересным и наверняка магическим барахлом.

В центре стоял толстый бетонный столб до потолка, покрытый сверху донизу руническими знаками и схематическими рисунками, рядом приткнулась белая маркерная доска, на которой висел чей-то зеленый халат.

В одном из углов монотонно гудел серверный шкаф, рядом с ним черным вопросительным знаком изогнулась причудливая деревянная фигура африканского шамана. На его паучьих пальцах висели на шнурах несколько флешек, а в изгибе руки лежала стопка дисков.

У дальнего окна за белой ширмой стояло кресло, похожее на стоматологическое, рядом — монитор. Джек стянул футболку и сел, Ван-Лир нацепил на него датчики, а потом, надев толстые резиновые перчатки с руническими знаками, достал из коробки под креслом прямоугольную дощечку и положил на грудь Джеку.

Тот скривился, но промолчал. Отвернулся к окну, прикрыв глаза. Ван-Лир и Винни на миг замерли, внимательно наблюдая за Джеком.

– Да-а, Джек, – протянул непонятым тоном Винни. – Иногда мне так хочется разобрать тебя и посмотреть, что же там внутри такое.

Энце стало почему-то неприятно. Что-то некрасивое мелькнуло во взгляде заведующего, и она, торопясь сменить тему, спросила:

– А это не секрет, что вы сейчас тестируете?

– Это амулет на три четверти ограничения силы. То есть для обычного человека ограничения, а вот Джеку это, судя по показателям, как мертвому припарка.

– А я думала, вы не могли измерить его уровень... Как же вы судите, ограничена его сила или нет?

– Там считыватель ауры стоит. Не чувствуете разве, как фонит? Собственно, нас интересуют побочные эффекты, а не уровень снимаемой энергии. Вот считыватель показывает изменения в ауре, а у Джека... стоп-стоп-стоп... Ван-Лир!

– Че? – флегматично отозвался тот.

– Смени с интенсивности на цветовую диагностику, кажется, дело пошло.

Джек заметно побледнел, на лбу выступила испарина. Прямые светлые брови сошлись на переносице, словно он... Словно ему было больно?

– Джек? – позвала Энца. – Все в порядке?

Она сделала было шаг к нему, но Винни оттеснил ее к одному из столов.

– Посидите там, – приказал он. – Все идет, как полагается, не вмешивайтесь.

Он с жадным любопытством склонился над Джеком, постоянно поглядывая на монитор рядом. По его указанию Ван-Лир подкатил к креслу круглый стул, установил на нем ноутбук и стал настраивать еще какой-то вывод данных.

– Сиди, где сидишь, и не лезь сюда, – злым голосом сказал Джек, видя, что Энца напряглась.

– Не разговаривай, Джек, ты нам картину сбиваешь, – прервал его Винни.

– Заткнись, – отозвался тот и снова прикрыл глаза.

Джека начало потряхивать, но он, стиснув зубы, держался.

Конечно, держался. Куда ему деваться было: пожалуй, только это ему и позволяло по-прежнему оставаться на балансе института как практикующему магу.

Смешно. Джек и сам не знал, зачем ему это, – да и практики-то, уж будем честными, никогда не было. Лицензию не отнимали, вот и все дела. А по сути он оставался все тем же невежественным подростком. Магию Джек знал в теории, но это как знать в теории кузнечное дело: если молота ни разу в жизни в руках не держал, и гвоздя не выкуешь без опыта.

Зачем вот Энцу тащил сюда, позориться только. Вон сидит, глазищи распахнула, руки в кулаки сжала.

Уж будь Винни с Ван-Лиром монстр-объектами, давно бы порубила в мелкую капусту.

А с людьми не умеет.

Судорогой вдруг прошило правую руку, потом лицо. Что за бес...

Вот за что он ненавидел все эти их опыты и тесты: начинают в голову лезть дерьмовые мысли, и жизнь сразу кажется просто чьей-то отрывкой, и сам он — бесполезной сломанной куклой, и болит потом так, что едва ноги волочишь. А этим все равно, лишь бы результаты получить.

– Извините, пожалуйста, – где-то далеко шелестел неприятный своей вечной неуверенностью и слабостью голос. – Можно это все прекратить? Мне кажется...

– Не лезьте, куда вас не просят, – раздраженно оборвал Энцу Винни. – Что за дерьмо... Ты регистрируешь это, Ван-Лир?

– Да.

– Послушайте...

– Если ты сейчас же не отойдешь и не прекратишь мешать, – вспылил Винни, – то...

– Жизненные показатели падают, – вклинился сухой голос Ван-Лира, – прекращая эксперимент. Время окончания: семнадцать двадцать.

В этом месте Джек отключился.

Правда, как он понял спустя пару минут, этого никто не заметил. Ван-Лир с каменным лицом снимал с него датчики, пластина уже была убрана, потом Ван-Лир сунул ему салфетку, чтобы Джек стер с себя остатки геля, и ушел. Энца и Винни, недовольные и злые, стояли по обе стороны кресла.

Что характерно, у Энцы уже глаза были на мокром месте, а Винни и не подумал извиняться. Неожиданно успокоившись, он продолжал разговор как ни в чем не бывало.

– Чего ты там натворил опять, Джек? – спросил Винни. – Утром даже летучку собирали. Я, правда, все проспал, но понял, что тебя песочили.

Джек промолчал, натягивая футболку. Суставы едва двигались, и казалось, что даже скрипели.

Снова появился Ван-Лир, в руках по дымящейся кружке с чаем. Одну он сунул Энце, другую Джеку.

Хороший парень этот Ван-Лир, хоть и странноватый. «Да кто из нас не странноватый, в самом деле», – подумал Джек. Чай был дрянной, кружка — грязная, но от горячей жижи стало значительно легче. Джек свесил ноги вниз и поболтал ими. Встать сразу не решился, боялся растянуться на полу. Энцу тогда точно удар хватит.

– Будешь теперь принимать участие в Большом ристалище? В этом году Алый турнир, – вдруг сказал Ван-Лир.

Он уже сидел за одним из столов, переноса данные с ноутбука. Периодически что-то печатал, и клавиатура от быстрых и жестких ударов подскакивала и стучала о стол.

Джек об этом и не думал вовсе. Он следил, конечно, за проведением и результатами: в прошлом году там выступал Донно, но собственное участие... Джек повернулся и посмотрел на Энцу, только чтобы увидеть зеркально озадаченное лицо девушки.

М-да. А ведь на носу уже, через месяц, и к тому же Алый турнир, значит, юбилейный какой-то, с приуроченными торжествами для зрителей. Основное событие года в Старом Свете, состязание боевых магов, фестиваль и прочие радости, транслируемые по всем каналам телевидения. Обсуждения, ставки, болельщики.

Часть состязаний оставалась за кадром, но вот подведение итогов и фестиваль – все эти красоты даже Джека не оставляли равнодушным. Если там, конечно, свои ребята участие принимали или дамочки какие красивые.

А Ван-Лир знал, что сказать: вон и мысли все переключились сразу. Джек головой потряс: только что страдал и переживал, и вот уже размышляет, принимать ли участие в турнире.

– А нас что, могут взять? – потрясенно спросила Энца. И в самых смелых мечтах она не представляла себе, что принимает участие в турнире на Большом ристалище.

Тоже вопрос. Кто его знает, какие там правила участия. Джек хмыкнул, встал на ноги и потянулся. Спина закрипела, но он не обратил внимания.

Алый турнир, надо же.

История шестая. Новые коллеги

Надо сказать, что практику смены имен перед началом обучения магов многие давно уже считали ущербной и вредной. «Справедливая ассамблея» так вовсе требовала запретить ее как ненужное наследие рабских времен.

Они крупно преувеличивали и, скорее всего, намеренно. Эти ребята вообще любили нагнетать атмосферу.

Соккрытие своего имени никоим образом к рабовладению не относилось. Маги древности придавали истинным именам сакральное значение, считая, что знание их дает полную власть над человеком или иным существом. Поэтому они умалчивали свои имена, делали из них анаграммы, выбирали псевдонимы, в общем, берегли как зеницу ока.

Во времена Второй Реформации восемнадцатого века это нашло отражение в обычае, который вскоре возвели в ранг закона: любое дитя, принимаемое на обучение магии, теряло свое старое имя и обретало новое.

В Старом Свете закон предусматривал всего одно имя, без фамилии, отчества, принадлежности к клану и прочего, но выбрать его ребенок мог сам. В обществах Азии имена выбирали наставники или опекуны, но зато, как и в Новом Свете, оно могло быть многосложным, включать в себя родовые признаки.

И хотя сакральный смысл истинного имени был поставлен под вопрос еще в девятнадцатом веке, а многочисленные исследования прошлого полностью развеяли этот миф, закон все же оставался.

Джек считал, что тем, кто эти обычаи поддерживал, не приходилось всю жизнь проводить с именем любимого героя мультфильма, книги или странным набором букв. А то бы разговоров о духах, которые подсказывают магам «нужные» имена, или о том, что мир поможет выбрать единственно правильное имя, было бы поменьше.

Джек знал одного парня, который жутко стеснялся своего имени Ультрамен, да и тот же заведующий лабораторией номер четыре всю жизнь носил напоминание о любимейшей книге детства про плюшевого медвежонка.

Больше всего повезло тем, кто обладал небогатой фантазией или же проходил обряд в подростковом возрасте: хотя бы откровенно детские варианты отсеивались.

Сокращать или изменять имя было дурной приметой.

Джеку пришлось пройти долгую волокиту с разрешением и регистрацией псевдонима, чтобы печататься под ним. «Поэт по имени Джек» звучало слишком уж претенциозно и глупо. Не говоря о том, что сразу снижало интерес публики.

В первый же день работы на новом месте они опоздали. Джек, как всегда, отнесся к этому философски, а Энца нервничала и злилась.

Опоздали из-за Джека. Это он после лабораторных экспериментов купил бутылку виски и затопил свои огорчение, усталость и боль. Энца виски не любила, поэтому в затоплении не участвовала, а только с тревогой наблюдала, как Джек медленно и верно пьянеет. Едва удалось вытолкнуть его с бутылкой в спальню: Джек желал компании, хотя нес белиберду, запинаясь все больше и больше, и все, что Энца додумалась сделать, это запустить фильм на ноутбуке и поставить на столик. Вроде бы посидели с толком: и болтать не надо, и компания, и не так скучно.

Наутро Джек не проснулся, хотя прямо над его головой разрывался будильник на телефоне. Энца слышала его сквозь закрытую дверь, меряя шагами комнату, потом переминаясь под дверью спальни.

И утреннюю гимнастику сделала, и кофе, и даже бутерброды. Убралась на кухне и перемыла посуду.

Снова походила под дверь.

Потом собрала всю волю в кулак и постучала. Джек продолжал храпеть.

«Боги, пусть он только там одетый будет», – взмолилась Энца. Ее бывший парень, например, имел привычку спать голым.

Можно было не бояться: Джек и не думал раздеваться, плюхнулся поперек кровати ночью, да так и уснул. Через пару минут нервозность Энцы сменилась гневом: Джек не реагировал ни на голос, ни на осторожное похлопывание по плечу – и она пару раз изо всех сил огрела его подушкой по голове.

Джек подскочил с воплем, потом, кое-как разобравшись, чего ей надо, послал ко всем бесам и улегся обратно. Энца снова врезала ему по затылку, Джек попробовал перехватить ее за руку, промахнулся, потом схватил за подушку и дернул на себя.

Энца упала лицом вниз, и Джек прихлопнул ее сверху отобранным средством побудки.

– Тьфу ты, блин, – рассердился Джек. – Такой сон испоганила. Чего за пожар-то?

– Так нам на работу надо, – зло ответила Энца и, вывернувшись, столкнула его с кровати.

И тут же, не слушая гневные вопли и нецензурную брань, быстро сбежала на кухню.

Секретарь Якова еще вчера прислал им распоряжение с подробным описанием того, как часто, куда и зачем надо было являться. Плавающий график отменили, теперь нужно было приходить каждый будний день в отдел архивных исследований и разбирать дела с пометкой «а posse», помимо того, два дня в неделю полагалось дежурить в лаборатории номер одиннадцать, которая занималась исследованиями монстр-объектов уровня Z или, как они их называли, зетами.

Еще надо было выезжать по вызовам того же уровня, но Энца проверила в сводках: этих вызовов было ничтожно мало, не больше одного-двух за месяц.

Отдел архивных исследований занимал первые два этажа во флигеле за Птичьим павильоном. Джек даже передернулся, проходя мимо него, и Энца некоторым образом разделяла его отвращение.

Трехэтажный флигель, построенный из красного кирпича в тени Птичьего павильона, был единственным сохранившимся крылом старого корпуса. Теперь он представлял собой отдельно стоящее здание, обветшавшее, замшелое, с проросшей травой на крыше, но тем не менее еще хранившее следы былой красоты. Обрамленные рустом высокие окна второго этажа, забранные коваными узорчатыми решетками, невысокие квадратные окна первого и третьего. Изящный кованый козырек над крыльцом с двумя старинными фонарями по бокам.

Несмотря на свою обветшалость, это здание показалось куда более гостеприимным и приятным, чем Птичий павильон. А уж какая благословенная прохлада царила в полутемных коридорах!

Энца и Джек облегченно выдохнули, едва за ними с завывающим скрежетом захлопнулась входная дверь. Снаружи собиралась гроза, и тяжелый жаркий воздух не двигался вовсе, придавливая к земле.

Внутри было тихо. Длинный коридор, множество дверей по сторонам, одни с табличками, на которых ничего нельзя было прочесть, другие с номерами.

Не было слышно ни голосов, ни обычного рабочего шума, только издалека доносилось птичье чириканье, будто где-то было открыто окно.

Шаги напарников глухим эхом металась по коридору, хотя Энца старалась идти все тише и тише, нервничая отчего-то. Каблуки все равно чересчур звонко цокали по гранитным плитам пола, и девушка жалела, что раз в жизни решила нарядиться по случаю: надела платье и босоножки на каблуках.

Джек вертел головой, стараясь разглядеть надписи. Ржавые таблички, облупившаяся краска, пыль — ни беса не прочесть. Пара указателей к лестнице. Доска объявлений, на которой торчали только посеребренные от пыли головки булавок.

— Почему никого нет? — спросила Энца, позабыв, что они не разговаривают.

Джек покосился на нее, но, решив, что уже надоело дуться, отозвался:

— Всех перевели в новое здание, оно вместительнее, плюс реорганизацию проводили. Тут осталось несколько отделов, но Яков говорил, что есть планы их тоже выселить и сделать тут нечто вроде музея или общего архива.

— Здесь бы дом с призраками устроить, — сказала Энца, — и за деньги народ пускать.

Джек пожал плечами, а потом вдруг пихнул ее локтем.

— Смотри.

Слева от них, недалеко от поворота к лестнице, была дверь, не похожая на другие. Металлическая, двустворчатая. И что самое интересное — новая, с четко читаемой табличкой «Не входить».

— Может, это и есть то, что нам нужно? — предположил Джек, взялся за металлическую ручку и с шипением отдернул руку.

— Джек! — воскликнула Энца. — Написано же: «Не входить». А нам на второй этаж, мне прислали план, как добраться.

— Новенькие? — раздался голос у них за спиной так неожиданно, что оба вздрогнули.

Молодой человек подошел настолько бесшумно, что даже чуткая Энца ничего не услышала.

Среднего роста, светловолосый, с пухлыми бледными руками и лицом, он дружелюбно улыбался. Несмотря на жару, их неожиданный собеседник был в плотном сером костюме, застегнутом на все пуговицы.

— Сюда нельзя входить, — продолжил он. — Вам — нельзя, да вы и не поймете ничего. Вас уже ждут — вот здесь лестница, потом на втором этаже первая дверь слева.

Он мягко указал рукой в сторону поворота, а сам двинулся в другую.

— Желаю вам удачи. Меня, кстати, Альбер зовут... Надеюсь, еще увидимся.

Энца растерянно помахала ему в ответ. Джек отвлекся, рассматривая свою ладонь. Все еще чувствовалось онемение от ледяного металла дверной ручки. Холодильная камера у них там, что ли?

Покосившись еще раз на дверь, Джек направился вслед за Энцей по лестнице, и вскоре они уже входили в гостеприимно распахнутые двери отдела архивных исследований.

Несмотря на близкий полдень, там было сумрачно.

Просторное помещение, на окнах плотные жалюзи. Полутемная прохлада рассеивалась только лампами над четырьмя сдвинутыми друг к другу столами в центре.

В стороны от столов уходили ряды стеллажей с плотно стоящими бумажными и пластиковыми папками.

Пахло пылью, горькими травами и почему-то пудрой, сладко и назойливо.

За столами друг напротив друга сидели двое. Мужчина средних лет, крепко сбитый, с брюшком, плотными волосатыми руками, угловатым живым лицом и блестящими, хитро прищуренными глазами. Девушка лет двадцати, худая и анемично бледная, с меланхоличным взглядом больших блекло-зеленых глаз и гладко зализанными пепельными волосами.

Она сказала равнодушно:

— Вы опоздали. У нас работа начинается в десять.

Напарники вздохнули: Джек — с досадой, что очередная зануда на его голову, Энца — покаянно.

– Да ладно тебе! – бодро воскликнул мужчина. – Мало ли чего бывает, и опаздывают люди. Давайте знакомиться, что ли. Это у нас Айниэль, прошу любить и жаловать. Она строгая, но милая.

«Милая» Айниэль нахмурилась, видимо, не в восторге от характеристики. Энца вежливо покивала, подумав, что девушка ну совсем не похожа на поклонницу эльфийских саг, а вот поди же ты. Хотя, может быть, «в миру» она распускает волосы, надевает какие-нибудь причудливые украшения и что-то более интересное, чем синие мешковатые брюки с белой мужской рубашкой.

– Меня зовут Артур, – продолжал мужчина. Он выбрался из-за стола, чтобы пожать руку Джеку. – А вас мы уже знаем, много слышали. Джек и Энца, верно? Очень интересный тандем, мы как раз недавно обсуждали.

Энца на всякий случай зашла немного за Джека. Хорошо, что напарник такой длинный, подумала она, легко прятаться.

Общительные малознакомые люди вызывали у Энцы опасения.

Артур же, не обращая внимания ни на молчание гостей, ни на равнодушие коллеги, продолжал говорить, указывая, где у них дела новые, где старые, почему такое название, сколько градусов будет завтра, ужас что за жара, где можно в обед перекусить по-человечески, на какой адрес надо заявку написать, чтобы выдали технику и канцелярию, и прочее, и прочее.

Джек мужественно боролся с желанием закурить, откровенно скучая, Энца, округлив глаза, внимательно все слушала, пытаясь запомнить.

– Я уже отправила заявки на оборудование новых рабочих мест, – холодно оборвала коллегу Айниэль. – А также подготовила список дел первоочередной важности и подобрала материалы, чтобы вы уже начинали работать.

Она посмотрела на них неодобрительно, словно не ждала ничего хорошего, и обронила, явно недоумевая, почему они продолжают стоять в дверях:

– Вы можете приступить. Вот эти два стола ваши.

Джек смерил взглядом две стопки папок на столе, огляделся и с ненатуральным сожалением сказал:

– Я только что вспомнил, у меня одно важное дело есть...

Энца в панике схватила его за рукав футболки, когда он уже развернулся уходить.

– Джек! – шепотом воскликнула она. – Не надо!

Он раздраженно фыркнул и отцепил ее пальцы.

– Ты издеваешься? Какого беса я должен здесь сидеть и ковыряться в старых папках? Я этим все свои летние практики занимался, сыт по горло...

– Вы работали здесь? – быстро и напряженно спросила Айниэль.

Джек выругался, а Энца даже подпрыгнула от неожиданности: Айниэль совершенно бесшумно оказалась рядом с ними. «Любимая шутка у них здесь, что ли», – отступая на шаг, подивилась Энца.

– Не работал, – высокомерно обронил Джек. – На практике в учебном корпусе был, нам все туда привозили.

– Хорошо, – отрывисто сказала Айниэль.

Она поколебалась, а потом явно через силу добавила:

– Вы можете быть свободны, как закончите. Летом здесь бывает тяжело, и мы не задерживаемся долго.

Энца приободрилась и краем глаза посмотрела на реакцию Джека. Тот особо довольным не выглядел, но, по крайней мере, и уходить передумал.

Сама же Энца приступила к папкам с восторгом первооткрывателя: кто знает, какие интересные истории там хранятся? Вдруг и на самом деле не просто монстр-объекты из брешей

и переходов, а нечто по-настоящему мистическое, проявление древних сил, привидений, природных духов?

Последние тоже были в юрисдикции Института парасвязей, но занимались ими неохотно: много мороки. Необходимо было выяснить все обстоятельства появления, исследовать окружение, историю и прочее, выработать концепцию обезвреживания. Случалось, что уничтожать пойманное нельзя: некоторые природные явления и духи были внесены в список Всемирной организации защиты культурно-духовного наследия, другие – в список Национального фонда охраны исчезающих существ.

Если обнаруженное существо было из подобного списка, мороки прибавлялось: это значило «бережное обращение, выселение в исконные ареалы обитания, создание условий для безопасного существования». То, что юные маги заучивали наизусть в школах. Так называемая гуманистическая концепция сосуществования.

С монстр-объектами было проще: засечь, выманить и обезвредить. Уничтожение не возбранялось.

Джек лениво листнул пару страниц и отправился курить. Энца же, подогнув ногу под себя, устроилась поудобнее.

Несмотря на увлекательное чтение (ей попалась папка с делом о вероятной русалке или водяном духе под мостом), сосредоточиться не получалось. Стул немного рассохся и скрипел при каждом движении.

Артур и Айниэль молча сидели перед компьютерами, что-то проглядывая и изредка пощелкивая мышками, но Энце казалось, что они оба неотрывно сверлят ее взглядами, у нее даже лопатки свело от напряжения. Густой запах пудры становился все сильнее, и Энца трусливо подумывала сходить за Джеком, подышать свежим воздухом, пока его уверенные громкие шаги не нарушили давящую тишину.

Когда он небрежно развалился на стуле за столом напротив нее, у Энцы даже от сердца отлегло. Вдруг стал слышен птичий гомон и стрекот насекомых за плотными жалюзи, далекий приглушенный раскат грома, да и новые коллеги, будто включенные куклы, задвигались свободнее, заговорили.

Энца поставила себе на заметку подумать об этом позже и углубилась в чтение.

Дочитав копии нескольких писем от очевидцев с историями одна страшнее другой, заключение маг-бригады полиции и экспертов лаборатории Птичьего павильона, которые говорили о том, что следы присутствия нечеловеческих эманаций есть, но слабые, не поддающиеся анализу, Энца замерла над папкой.

– А что, собственно говоря, от нас требуется? Ведь тут уже и заключения есть, значит, кто-то ездил и проверял.

Задавая вопрос, она подняла глаза: оказалось, что Айниэль отрешенно смотрит на нее, и, видимо, уже некоторое время.

Женщина не сразу среагировала на вопрос, потом перевела взгляд на папку, что держала Энца.

– Такие дела, как это, – вместо нее ответил Артур, – надо закрывать. В архиве на первом этаже хранятся сводки событий, копии метрик, хронологии и прочее, относящиеся к нашему региону. Во-первых, надо собрать все эти данные, составить специальную историческую справку и подшить в дело.

Энца переглянулась с Джеком и по его кислой физиономии догадалась, кто из них двоих будет лазить в архиве. Что ж, не то чтобы она была против.

– Справка формы И-65а, – уточнила Айниэль. – Когда вам установят компьютеры, я скину все нужные образцы документов. После этого надо будет съездить на место, все осмотреть, снять показания и составить окончательное заключение.

– Архив – то закрытое помещение на первом этаже? – влез Джек. – Там, где написано «Не входить»?

Айниэль резко повернула к нему голову.

– Нет, это не архив. И я надеюсь, что никто из вас туда входить не будет. Там оборудовано специальное помещение, и доступ имеют только сотрудники одной из лабораторий Птичьего павильона.

Джек подпер голову рукой, наклонившись ближе к Айниэль, и заинтересованно, широко улыбнулся. Казалось, даже воздух всколыхнулся жаром от этой его улыбки, мягкого ленивого движения, когда он будто бы незначай вошел в личное пространство девушки.

– Ну а так, по секрету... Что там такое, эксперимент?

Айниэль отпрянула, бледные щеки покрыл слабый румянец. «Надо же, – подумала Энца, – и я так же на него реагировала. А он это знает, гад, и пользуется».

– Нельзя — значит нельзя, – напряженно отчеканила Айниэль. – Если вы сорвете пломбу, то я добьюсь, чтобы вас отправили на постоянную работу подопытным в лаборатории.

Джек разом поскучнел и отодвинулся.

– Архив находится на первом этаже, со спуском в подвальные помещения, – будто не замечая напряженности, сказал Артур. – Дверь по правую руку, на ней табличка «7-б». Была еще надпись, но отбили. Тут периодически приходят студенты с запросами на исторические справки и прочее... прикарманили небось.

Артур повздыхал.

Джек бросил поверх папки Энцы свою.

– Тут то же самое, – коротко сообщил он.

Бегло пролистал следующую, отложил.

– Тут вообще ни фига нет, одни доносы.

Плюх! Еще одна папка к Энце.

– Ты ж не читаешь, – нервно сказала та.

– А зачем читать? – удивился тот. – Надо их разобрать, а потом уже вычитывать.

Тогда Энца подвинула ему свою стопку неразобранных папок, а те три, что уже лежали перед ней, взяла в руки.

– Ну, я тогда в архив.

Стеклянные глаза Айниэль обратились снова к ней.

– Вы пойдете одна?

Энца пожала плечами.

– Это же... ну, не запрещено?

– Нет, не запрещено, – медленно сказала девушка. – Просто все новые сотрудники боятся ходить в одиночку, я и удивилась.

Энца некоторое время думала, что можно ответить, но так и не сообразила, неловко кивнула и вышла.

Боятся ходить в одиночку?.. Вот чушь. Может, новеньких присылали из только-только выпустившихся студентов? Или каких-то нервных типов?

Интересно, а где они все сейчас? На втором этаже, как и на первом, особых признаков жизни не наблюдалось. Такие же закрытые двери с пыльными табличками, только запах здесь странный. Очень знакомый, но Энца никак не могла вспомнить: он был горький, травяной, неузнаваемо смешавшийся с пылью и затхлостью.

Покрутив носом, девушка спустилась на первый этаж. Постояла немного, прислушиваясь, у двери, которая так заинтересовала Джека. Правда, совсем близко подходить не стала, мало ли что. Прошла по коридору дальше в поисках архива.

Хорошо, что он находился именно здесь и не пострадал во время того пожара в павильоне, подумала она. Было бы жалко все потерять.

Ручка подалась с трудом, дверь не скрипела, но была ужасно тяжелой: изнутри ее выстилали листы железа. Был еще внутренний засов с выгравированным знаком-замком.

Энца, придерживая дверь рукой, чтобы не захлопнулась, пошарила по стене. Выключатель нашелся не сразу, и все это время девушка с интересом вглядывалась в полную тьму, царившую за дверью.

Моргнувшие и загоревшиеся ряды галогеновых ламп на потолке рассеяли мрачное очарование. Серые металлические стеллажи рядами уходили от Энцы к стене. У входа стояли большой шкаф-картотека, конторка, за которой, наверное, раньше стоял архивариус, и пара столов с задвинутыми стульями.

Энца бросила на стол принесенные папки и со вздохом подошла к картотеке. Компьютером тут и не пахло, придется все вручную. Хорошо, что у Энцы была небольшая практика: она успела застать бумажную систему до компьютеризации библиотек и архивов в своей академии.

Верхняя треть картотеки – тематическая, средняя – названия по алфавиту и нижняя – авторы по алфавиту. М-да. Энца пошарила за конторкой и разжилась стопкой пожелтевшей бумаги и огрызком карандаша, который тут же и наточила небольшим воздушным лезвием.

Минут через пятнадцать пришел Джек с оставшимися делами, уронил их на стол и сам взгромоздился рядом.

Энца не стала спрашивать, только подвинула свои папки, чтобы напарник их не перепутал. Интересно, чувствовал ли Джек там, наверху, тот же дискомфорт, что и она?

– Они сказали, что сегодня можем поехать по одному из этих дел, – рассеянно заметил Джек. – Они покажут, как и что полагается делать.

Энца кивнула, проходя мимо с листочком в руках. Сверяясь с маркировкой на шкафах и полках, она стала вытаскивать нужные тома, брошюры, подшивки, углубляясь все дальше.

Джек слышал, как она чихает, поднимая облака пыли по мере того, как продвигается.

– Тут есть лестница, написано, что подвальные помещения архива, – крикнула она откуда-то из-за стеллажей.

Что-то уронила, выругалась. Джек хмыкнул. Он уже разобрал все папки и, наугад вытянув одну, стал читать. Сначала пара доносов от соседей на странное поведение какой-то дамы, живущей в пригороде в частном доме. Потом жалоба самой дамы. Вроде бы классический полтергейст, но с небольшой аномалией: все стекла – включая оконные – и зеркала отражали одну и ту же женщину, донельзя похожую на хозяйку дома. Гримасы и неприличные жесты отражения как раз и были тем, что так возмущало соседей.

Джек перешел к отчету маг-бригады, вызванной уставшей от злых проказ хозяйкой, как с той стороны, где была Энца, раздался вопль и треск. Книги рассыпались, а вскочивший на ноги Джек услышал до странности знакомый звук.

Грохот молота, разбивающего хитиновый панцирь.

Потом еще удар, впустую.

Джек рванул в ту сторону и за одним из поворотов едва не столкнулся с огромным тараканом. У ног Энцы лежал еще один.

Подоспевший Джек пинком ноги отправил убегающее насекомое в обратный полет. Энца взвизгнула от неожиданности, когда ей в лицо полетел живой снаряд, но молниеносно сориентировалась, трансформировав молот в лезвие, и рассекла таракана на идеально ровные части. Останки шлепнулись на пол.

– Только двое? – спросил Джек, и Энца кивнула.

– Я видела только этих. Повернула быстро за угол, а они, видимо, не успели спрятаться.

Напарники брезгливо рассматривали тварей: один небольшой, со ступню Джека, второй около полуметра в длину, неприятно белесый.

– Вот тебе и Институт парасвязей: одни маги кругом, и никто не уловил, – озадаченно сказал Джек.

Резко хлопнула дверь, раздался дробный быстрый стук каблучков.

– Что у вас? Что вы тут творите? – встревоженный и недовольный голос Айниэль.

– Мы здесь! – крикнул Джек, и вскоре Айниэль, вроде бы еще больше побелев, изучала останки двух тараканов.

– Надо, наверно, вызвать дежурных, – предположила Энца. – Очистить место от негативного присутствия и уничтожить останки. В прошлый раз...

– Нет, – быстро сказала Айниэль. – Я все это умею сама. Заберите пока свои бумаги и унесите наверх. Позовите Артура. На сегодня можете быть свободны, завтра приходите в десять.

– А у нас завтра тренинги с утра, – сказала Энца, и Джек одобрительно ей кивнул: хорошо придумала.

Правда, потом вспомнил, с кем имеет дело. Энца бы не стала выдумывать.

Минуту Айниэль что-то соображала.

– Хорошо, – наконец кивнула она. – По их окончании ждем вас на рабочем месте.

Вернув папки на столы в кабинете вместе с внушительной стопкой материалов, которые успела собрать Энца, напарники спустились на первый этаж. Артур, встревоженный их рассказом, уже умчался на помощь коллеге.

Проходя мимо двустворчатой двери на первом этаже, Энца покосилась на нее и сказала:

– Может, там склад запрещенных артефактов? Ну, которые изъяли, а уничтожить нельзя.

– Или коллекция заспиртованных монстр-объектов, – подхватил Джек. – Интересно, зачем у них наверху полынь везде развешана?

– Полынь! – с облегчением воскликнула Энца. – Точно, а я все вспоминаю, что за запах такой знакомый.

– Сушеные старые веники из нее над дверью и над окнами, – уточнил Джек.

Энца покачала головой: веники... то есть пучки сухих трав, которые имел в виду Джек, она не заметила.

– У полыни много полезных свойств. Она сильное средство от злых духов.

На улице гроыхало вовсю, но дождя пока еще не было. Воздух сгустился так, что, казалось, его можно было резать на ломти.

Энца кивнула Джеку на колючие сизые побеги у крыльца. Их недавно нещадно обрубили, но толстые стебли упрямо разрастались, от подсохших обрубков тянулись новые разветвления с короткими колючими листьями.

– А вот чертополох, тоже пугает злое. Только он сам обычно растет, где загрязнения идут. Наверно, на этих тараканов реагировал.

Джек закурил и пожал плечами. У них за спиной была бетонная коробка Птичьего павильона, где какой только грязи не водилось. Чего тут удивляться.

История седьмая. Русалки и антиквары

Дождь лил всю ночь и продолжился монотонной моросью на следующее утро. Практические занятия отменили и всех загнали на лекцию. Так что теперь между Джеком и Анной, которые обычно занимали соседние места в аудитории, сидели их напарники и увлеченно играли в морской бой.

Лекция была интересной: о двух новых классах монстр-объектов, появившихся на юге. Лектор живо рассказывал о свойстве одного из них избирательно блокировать маг-атаки и необычно мирном нраве второго, который больше походил на молочное желе. Из-за него ученые, изучавшие этот тип, разделились на два лагеря: одни утверждали, что следует ввести понятие «безопасных гостей», другие мрачно подозревали, что все впереди и объект еще покажет себя.

Энца и Саган были подписаны на рассылку новостей от Научно-исследовательского центра инвазий и все это уже неделю назад читали. Джек не читал, но это не мешало ему мирно спать, положив голову на сложенные руки. Анна старательно записывала, правда, периодически отвлекаясь на сложные виньетки, которые она выводила по краю листа.

– Джек, Джек! – громко зашептала Энца, прерывая сумбурный сон, в котором Джек вышагивал по болоту, ежеминутно проваливаясь в трясины и отшвыривая от себя кишащих вокруг лягушек.

Лягушки были белые, а небо отчего-то постоянно потрескивало и вспыхивало зарницами.

– У нас еще экзамены будут, – расстроено сообщила ему Энца. – Отдельно практические, отдельно теоретические.

– Ну что ж, – вздохнул Джек, – покажу пару приемчиков.

Не оценив юмор, Энца выразительно посмотрела на него. Саган наклонился вперед, выглядывая из-за нее.

– Но те, кто в турнире участвуют, освобождаются. Мы с Анной уже подали заявку. Донно тоже.

Джек возвел глаза к потолку. Чего они от него хотят? Чтобы он тоже пошел и заполнил все эти бумажки для участия в турнире? Или начал готовиться к экзаменам?

Мысль о том, что он в какой-то мере вернулся в русло обыденной для всех жизни, сама по себе сбивала его с толку. Серьезно размышлять о турнире он пока не мог.

Это было странно и непривычно: то, что он ходил на работу, тренинги эти вот, участие – возможное участие! – в турнире, какое-то ненормально возросшее количество времени, которое он тратил на общение с окружающими...

А что страннее всего: эта суматоха, ворох дел, информационный мусор от лекций и постоянных разговоров – все это каким-то образом выдавливало из Джека серые мысли. К нему возвращались слова: едва слышными намеками, обрывками фраз, иногда просто ритмом слогов складывались они в строки, которые Джек уже начал записывать, боясь растерять снова. Неделей раньше ему мешало все: и духота, и прохлада, и вой ветра ночью, и телефонные звонки, и прочее. А сейчас, казалось бы, преград вдесятеро больше, но они совершенно не важны.

Слова, как вода, подточили плотину, возведенную самим Джеком.

Вернулись.

По дороге к флигелю Энца сосредоточенно пинала камешек ногой, размышляя о чем-то. Джек в уме подбирал рифму к слову «фагот».

Когда впереди показалось краснокирпичное здание, Энца замедлила шаг и заговорила, прерывая его мысли:

– Знаешь, что странно? Я все думаю, думаю...

– Думать полезно, а не странно, – буркнул Джек.

– Ты дослушай. Я про тех тараканов. Я ведь шла, не кралась, наоборот, шумела. А они не прятались, торчали там, как будто так и надо, и только когда я шарахнула по одному, второй побежал.

– И?.. Не, это странно, конечно, но мало ли, может, они в спячке были...

– Да какая спячка, Джек, не спят они, – отмахнулась она. – Я подумала, что они почему-то не боялись людей и не убегали.

В этом было некое рациональное зерно. Если они действительно не спрятались заранее, слыша, как топает Энца, то, видимо, им нечего было бояться? Эти двое, Артур и Айниэль, тараканов не чувствовали... или просто не трогали? Да все равно бред выходит. Может, на них эксперименты ставили? Так сказать, в естественных условиях обитания.

Артур этот Джеку не нравился: на словах-то дружелюбный, а глаза бегают суматошно, будто проверяет что-то. Суетливый и бестолковый, но как-то все напоказ, словно понарошку.

Да и полынь эта. Зачем ее везде повешали? Когда Джек выходил курить на балкончик у лестницы, заметил, что между решетками и жалюзи на окнах отдела висят перевязанные красной ниткой кресты из веточек. И к бабке не ходи, рябиновые небось, для защиты от злых духов. По долгу службы? Так они ни о чем, кроме оформления дел и разных бумаженций, и не говорили. Кто уж там из мира духов придет им морды чистить за неправильно оформленное дело?

– Да, – спохватился он. – Что ты там наговорила Винни? Мне сегодня пришло письмо от него, он обозвал меня стукачом и запретил на неделю приходить к нему. Я жуть как расстроился.

Энца удивленно подняла глаза, но по ухмылке Джека поняла, что его расстройство – болтовня одна.

– Ничего я ему не говорила, – отозвалась она. – Яков в тот раз сказал мне описать в отчете технику забора энергии, ну я и описала. А в сопроводительном письме добавила, что в лаборатории мне сильно грубили и угрожали и вообще вели себя неадекватно и чуть... ну, чуть тебя не угробили. Извини, я подумала, что есть же какие-то границы всему. Ну, я про эти эксперименты. И Яков обещал разобраться.

Она расстроено пожала плечами.

– Я не хотела стучать... а выглядит именно так. Он сильно обиделся, да?

– Забей, – сказал Джек. – Не бери в голову.

Он придержал дверь, пропуская ее вперед, а сам поглядел с крыльца вниз: кто-то снова обрезал чертополох, теперь уже под корень.

Проходя мимо запертой двери на первом этаже, Джек сказал:

– Может, там Айниэль хранит свой плащ и тиару эльфийскую?

– Или заговоренные швабры, на которых она летает, – мрачно отозвалась Энца.

Впрочем, спустя несколько минут она взяла свои слова обратно: их встретили достаточно живо, предложили охлажденного чая с лимоном и травяным сбором, к тому же оказалось, что за утро Айниэль просмотрела все материалы, собранные Энцей, и сама составила по ним историческую справку.

Распечатала, подшила и разложила все брошюры и книги по местам в архиве.

Компьютеры уже стояли, но пока мертвые, не настроенные. Артур вздохнул, объясняя, что так всегда бывает: их коллеги меняются часто, и системные инженеры из основного корпуса намеренно затягивают сроки, чтобы лишнюю работу не делать, если вдруг очередной новичок сбежит.

Энца задумчиво поскребла въевшуюся в боковые разъемы монитора пыль и тоже вздохнула. Жалко, что мониторы старенькие, и клавиатуры так себе.

От них так же пахло гарью и горечью, как от всего, что было внутри кабинета.

– А почему новички переводятся? Их наказание заканчивается? – спросила Энца и, когда ей сразу не ответили, повторила.

Джек заметил в ней это в некоторых случаях весьма неприятное свойство. Поначалу Энца всегда робела, не зная, как затеять разговор или спросить о чем-то, но стоило ей начать, как она наседала и наседала, забрасывая вопросами.

Айниэль уткнулась в компьютер, а вот Артур с радостью отвернулся от своего и начал соловьем разливаться, рассказывая, как тяжело тут работать: и крыша-то протекает, и миазмы от Птичьего павильона идут, и техника барахлит, и никак не оцифруют архив, и так далее, и тому подобное. На вопросы он толком и не отвечал, это напарники даже не сразу подметили, настолько много Артур говорил, забывая все потоком слов.

В конце концов Айниэль не выдержала и прервала, сказав, что ближе к вечеру у них назначен выезд по первому делу.

– Мы поедем вместе на этот раз, вы посмотрите порядок работы. Как пример я выбрала дело с предполагаемым водяным духом.

Она подумала немного, постучав белым ноготком по столешнице.

– Потом нужно будет заполнить анкеты и расписаться в журнале о том, что инструктаж был проведен. Инвентарь будет выдан завтра, я уже выписала необходимое на складе.

Она сделала паузу, строго глядя на них, и Энца, расценив это как приглашение к дальнейшей работе, безропотно подвинула к себе лежащую со вчерашнего дня стопку дел. Правда, с тех пор их кто-то выровнял по ширине и выложил строго по центру ее стола. Ну, тут и догадываться нечего, и так ясно, чьих рук дело.

Энца покосилась на Айниэль и раскрыла верхнюю папку. Что-то о странном духе, отражающемся во всех зеркалах и окнах. Есть отчет экспертов, есть от маг-бригады. Значит, стопка перед Джеком – та, в которой одни только жалобы и доклады.

Джек уныло поддевал ее пальцем, потом оживился.

– А обед? – спросил он. – Обедать-то вы ходите?

– Обед с часу до двух, – отчеканила Айниэль. – На этаже есть комната отдыха, там холодильник и печь для разогрева. Если вы не умеете сами, – с легким презрением добавила она.

Напарники переглянулись. Чего-чего, но еды с собой у них по вполне понятным причинам не было.

– Я могу показать, где тут чудесное место, экономное и приятственное, – предложил Артур.

Джек покачал головой.

– Я и сам знаю окрестности, разберусь.

Артур разочарованно сник. Энце даже стало его жаль: и понятно, что он так вырваться хочет, небось тоже надоела эта гнетущая затхлость окружающего. Она вздохнула и продолжила чтение, делая пометки в блокноте, а спустя час, когда они с Джеком спускались по лестнице, сказала:

– А помнишь того парня, которого мы вчера встретили? Что-то его больше и не видно.

Джек пожал плечами. Мало ли какая у него должность? Может, он как раз выездной сотрудник.

Они довольно сносно пообедали в студенческой столовой, запасливая Энца еще с собой набрала бутербродов и шоколадок: на случай, если дело с «русалкой» затянется.

Часа через три после того, как они вернулись, Айниэль отдала приказ о выдвижении... То есть сказала, что пора машину готовить к выезду и всем выходить. Джеку была вручена сумка с инструментами и материалами по делу, Артур вышел, чтобы подогнать машину, а все осталь-

ные спустились на крыльцо. Джек и Энца устроились прямо на ступенях, Айниэль замерла у двери, скрестив на груди руки.

Энца, болтая ногами и упершись лбом в кованую решетку, рассказывала Джеку о слухах, которые ей передал Саган: будто бы в городе нашли двоих магов в состоянии комы, обезвоженных, но без видимых увечий. Подозревают, что в городе проснулся пси-вампир, но пока придерживают информацию. Еще говорят, что «Справедливая ассамблея» готовит что-то жуткое перед Громовым днем. Джек только дивился феноменальной осведомленности Сагана, хотя байку про пси-вампира он уже слышал в курилке.

Айниэль постукивала каблуком бежевой туфельки все чаще и напряженнее и наконец вслух выразила свое презрение сплетням и их распространителям. Энца оскорбилась и замолчала.

На болотно-зеленом, порядком обшарпанном и процарапанном до металла минивэне подъехал Артур.

– Пожалте в салон, – радушно крикнул он.

От жары лицо его еще более покраснелось, а короткие волосы слиплись от пота, открыв небольшую лысину на макушке.

Кондиционера в машине не было, и сама она была лет на пять младше Энцы – что для машины весьма серьезный возраст, так что, стиснув зубы и изнемогая от духоты, наполненной густым запахом разогретого металла, масла и бензина, вся четверка потряслась на окраину города, на берег медленной реки Эне.

«Четвертого мая этого года я шел по набережной реки, выгуливая собаку. Обычно я делаю это в седьмом часу, после возвращения с работы, но тот день был укороченным, так что я вернулся раньше, и мы вышли около пяти. Точнее сказать не могу, на часы не смотрел.

Мы перешли мост, дошли до парка с собачьей площадкой и минут через двадцать вернулись.

Джек (это моя собака) почему-то замешкался на мосту и начал лаять, просунув голову между перил. Я едва его оттащил и повел домой. Какое-то время мы шли по набережной, и вскоре я обратил внимание, что на реке, рядом с берегом, есть странная рябь. Как узкая полоса, и идет против течения. Мы шли еще минуты две, и рябь держалась наравне с нами. Я подумал, что это какое-то животное, подошел к ограждению и посмотрел вниз. Джек снова начал лаять, но в этот раз подходить ближе отказался и, наоборот, тянул меня назад.

Мне показалось, что на глубине мелькнуло чье-то лицо и длинные черные волосы, потом рябь исчезла и все остальное тоже.

Может, это один из этих монстр-объектов, хотя у нас отродясь не было в округе прорывов, фон стабильный всегда был. Жена говорит, что по всем признакам это русалка, и мне еще повезло, что меня не утащили.

Но то, что там было нечто, это совершенно точно. Я очень доверяю своему псу, у него отменное чутье. Он охотничьей породы, из гаузских белых.

5 мая 20.. года
О. Т. П...ский,
врач-терапевт
1-й городской клиники»

«Требую немедленно разобраться и прекратить творящееся в нашем районе. Систематически пропадают люди, а власти закрывают на это глаза! Маг-бригады полиции со своим делом не справляются, на вызовы приезжают (с большой задержкой!), но мост не исследуют!

А также пропадают бродячие кошки и собаки, которые раньше жили во дворах домов, которые стоят вдоль набережной... но это совершенно никого не волнует!! Мною неоднократно были направлены заявки в Общество защиты животных и в Союз поддержки пенсионеров, но ответа я не получила.

Под мостом раньше жили двое бездомных стариков, которыми очень халатно занимались социальные службы. Об этом я также сообщала в соответствующие органы! Этих бездомных я неизменно встречала во время утренней прогулки, но второго мая этого года стариков на месте не оказалось. Первые два дня я не тревожилась, но по истечении этого срока их отсутствие мне показалось подозрительным, и я направила письменный запрос в орган социальной службы, ответственный за наш район.

Не дождавшись ответа, я стала звонить туда, и вопреки хамству и откровенной невежественности работников службы я выяснила, что никто не увозил бездомных, а по их именам, которые я выяснила там же, и по описанию, которое я давала лично, ни в одной больнице, морге или ином подобном заведении их не было.

Из чего был сделан вывод (на основании некоторых личных наблюдений, копию своего дневника я прилагаю к данному обращению), что под мостом в реке живет некое создание, представляющее угрозу всем живущим вокруг людям и животным.

Требую разобраться и удалить это создание!! Копии заявления отправлены в Дисциплинарный комитет магов, прокуратуру и в городской филиал Института парасвязей!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.